

Собиратель лиц

Автор:

Анне Ханкок

Собиратель лиц

Анне Метте Ханкок

Прямо из школы пропал мальчик. Журналистке Элоизе Кальдан придется отложить статью о военных с посттравматическим расстройством, чтобы расследовать исчезновение Лукаса. Когда два ее дела – статья и поиск мальчика – переплетаются, Элоиза просит помощи у давнего друга, Эрика Шефера. Вместе им предстоит разобраться, какую роль играют военные в пропаже мальчика и кто этот «Яблочный человек», о котором говорят школьники?

«Собиратель лиц» – вторая книга в серии Анне Метте Ханкок об Элоизе Кальдан и Эрике Шефере. Это по-скандинавски жесткий роман о сильных женщинах, история преступлений, мести и возмездия, которая освещает новые грани жесткого триллера и смещает фокус с фигуры мрачного небритого полицейского на обычных женщин – журналисток, следователей, программисток, которые под давлением обстоятельств и зачастую наперекор мнению окружающих выводят расследование на новый уровень.

Анне Метте Ханкок

Собиратель лиц

© Дарская А., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Посвящается Веге и Кастору.

Ваши имена – в звёздах.

1

Мужчина двигался быстро, скользя вдоль голых кустов и деревьев. Казалось, что февральский ветер дул со всех сторон одновременно, впиваясь ему в щёки тысячами крошечных игл. Он затянул завязки на шапке, чтобы та села на голове поплотнее, и осмотрелся.

Вблизи крепости Кастеллет сегодня никто не бегал и не выгуливал собак. Вот уже несколько дней подряд температура колебалась около нулевой отметки, то опускаясь, то поднимаясь, словно речная волна. Ветер дул так сильно, что, казалось, наступила самая холодная зима столетия. Копенгаген совсем обезлюдил, словно город-призрак.

Мужчина остановился и прислушался.

...Тишина.

Ни сирен, взрезающих однообразный гул города. Ни синих проблесковых маячков, мерцающих в полутьме.

Он поднялся на самую вершину насыпи и оглядел гавань, которая раскинулась перед штаб-квартирой компании «Мэрск», и парковку у ресторана «Толбоден». Увидев, что парковка пуста, он нахмурился и посмотрел на часы.

Ну и где их черти носят?

Мужчина достал пачку сигарет из внутреннего кармана и присел на корточки возле одной из крепостных пушек. Хотел щёлкнуть зажигалкой, но руки до того заledenели, что кожа на них уже приобрела восковой оттенок и они казались мёртвыми. Он стал выпрямлять и сгибать пальцы, чтобы восстановить кровообращение, и заметил кровь – маленький лилово-чёрный полумесяц под ногтем на указательном пальце.

Он лениво попробовал выскрести запёкшуюся кровь, но вскоре бросил и снова занялся зажигалкой. Как только удалось её зажечь, он сразу же засунул руки в карманы и плотнее сжал сигарету губами, не прекращая нетерпеливо ходить туда-сюда и то и дело бросая взгляд на парковку.

Да давайте уже, чёрт побери!

Он не любил тишину. Ожидание всегда делало его беспокойным, у него начинало сосать под ложечкой. Лучше уж чем-нибудь заниматься, постоянно быть в движении. Тишина давала время на размышления, возвращала его туда, где дым стоял до того плотный, что приходилось пробираться на ощупь мимо мёртвых, искалеченных тел. К крови, которая текла у него из глаз и бежала по щекам, к тишине. К парализующей тишине, которая следовала за взрывом, пока они – те, кто мог, – выползали из пыльной тьмы и собирались вокруг разрушенного здания.

Окаменевшие. В шоке.

Если бы он только мог освободиться от этих воспоминаний. Отпустить их, как связку воздушных шаров, и смотреть, как они исчезают, пританцовывая, в небе и наконец полностью скрываются из виду.

Мужчина вновь посмотрел вниз, на «Толбоден», и заметил серебристую «Ауди», которая подъехала к зданию и остановилась. Двигатель не заглушили; вылетающие из нагретой выхлопной трубы газы клубились облачками. Дальний свет фар один раз моргнул, давая понять, что можно идти.

Наконец-то!

Мужчина начал спускаться к машине, но на полпути к подножью крепостного вала нечто заставило его сбавить скорость. Он прищурился и пристально

посмотрел на мост, перекинутый надо рвом, который опоясывал крепость.

Затем остановился.

На середине моста стоял кто-то, почти совсем неразличимый в сумерках: лишь силуэт человека в капюшоне с оранжевым рюкзаком за спиной. Мужчина замедлил шаг, увидев, что фигура замерла в странной позе, нагнувшись вперёд. А остановился он, когда понял, что этот кто-то крепко держит ребёнка.

Мальчик, с виду лет восьми-девяти, безвольно свешивался с моста, а человек с рюкзаком держал его, вцепившись в пуховик. Человек что-то говорил, но из-за ветра ничего не было слышно.

Мужчина снова взглянул на машину, которая настойчиво моргнула фарами ещё раз. Нужно было торопиться, но...

Он опять посмотрел на мост. Руки, державшие куртку мальчика, разжались.

2

Клиника располагалась на заднем дворе в заросшем плющом здании, которое будто бы с любопытством заглядывало за стену замка Фредерика VIII. Из окна приёмной Элоизе Кальдан была видна покрытая инеем верхушка купола Мраморной церкви и гвардейцы, которые, как лунатики, ходили кругами по площади перед королевской резиденцией Амалиенбург.

Она взяла в руки глянцевый журнал и, листая его, нервно покачивала ногой. От волнения у неё покалывало в пальцах, а отсутствующий взгляд блуждал по репортажам с показов мод и рекламе кремов для лица. Всё так поверхностно, только и дел, что превозносить подростковую анорексию, прикрыв это красивой обёрткой.

Кто вообще читает эту чушь?

Она бросила журнал и огляделась.

Помещение как будто сошло с обложки какого-нибудь калифорнийского каталога интерьеров. Оно было выдержано в коньячных тонах, на общем фоне выделялись только суккуленты в громадных глиняных горшках. Стены украшали плакаты и литографии всевозможных размеров и форм. Они висели так плотно, что посетитель едва угадывал под ними асфальтовый оттенок самих стен. На полу лежал кремового цвета ковёр в берберском стиле, который завершающим штрихом связывал все элементы воедино. Всё было до того красиво, что легко было и забыть, зачем, собственно, ты сюда пришёл.

И всё же...

В приёмной ожидали ещё два пациента. Пожилой худой мужчина и девушка с молочно-белой кожей и огромными светло-серыми глазами. Элоиза дала бы ей не больше восемнадцати лет и очень хотела бы верить, что та пришла сюда по иной причине, нежели она сама.

Высокий светловолосый мужчина в белых кожаных штанах и мятно-зелёной футболке выглянул в приёмную, и девушка сразу выпрямила спину. Она втянула ноздри, надула губки и выпятила их, слегка приоткрыв рот, как для поцелуя, стараясь, чтобы они выглядели полнее. Получилось такое выражение лица, будто она почувствовала дурной запах.

«Привычка к селфи», – подумала Элоиза. Одно из самых странных изобретений нашего времени.

– Элоиза?

Она встала.

Теперь оставалось только дотерпеть.

Врач жестом пригласил её в смотровую. Заглянул в медицинскую карточку на мониторе компьютера и перевел взгляд на Элоизу.

– Илоиза... Вы беременны?

Он неправильно произнёс её имя. В таком виде оно звучало неприятно. Как-то напряжённо. Элоиза поправляла врача каждый свой визит к нему вот уже четыре года. В этот раз она не стала этого делать и просто сказала:

– Да, похоже на то.

– У вас раньше были беременности?

Она покачала головой и протянула ему тест, который лежал у неё в сумке. Две красные полоски. Одна была отчётливой, вторая пастельной и неярко, как бледная радуга, но вполне различимой, если смотреть на тест издалека.

Врач взглянул на него и кивнул:

– Результат, похоже, положительный. Я так понимаю, вас это сейчас не вполне устраивает?

– Да, это не входило в планы.

Он кивнул и сел за белый блестящий стол.

– Да, и такое бывает.

Элоиза села напротив и поставила сумку на старый паркет. Пол не меняли с момента постройки здания, он был покрыт мелкими трещинками, какие бывают на старых супницах, и уже пошёл волнами, так что стул под Элоизой слегка покачивался.

Врач тепло улыбнулся, подчеркивая, что она может говорить с ним абсолютно откровенно. Ямочки у него на щеках были похожи на отпечатки пальцев на глине, а его глаза без тени смущения были устремлены на неё. Ей понадобилась пара лет, чтобы понять, что их магнетическое сияние и прямой взгляд не были направлены исключительно на неё. Он не флиртовал, он был искренне заинтересован в её здоровье. К тому же блеск его сине-зелёных глаз перекликался с блеском полированного кольца из белого золота на безымянном пальце.

– Согласно той информации, которую вы предоставили, когда звонили сегодня с утра, вы примерно на пятой неделе. Верно?

Элоиза опустила взгляд и кивнула. Во всяком случае, такой результат выдал сайт для беременных, который она нашла в интернете.

– Это хорошо, – сказал врач. – Дело в том, что в Дании медикаментозный аборт возможен в первые семь недель беременности. С восьми до двенадцати недель возможно только хирургическое прерывание.

Элоиза вновь подняла глаза.

– То есть нужно ложиться в больницу?

– Да. Это кратковременное хирургическое вмешательство, тем не менее всегда лучше избегать наркоза, если есть такая возможность. Поэтому я дам вам вот это...

Он протянул Элоизе таблетку из упаковки, на которой зелёными буквами было написано «Мифегин».

– Вы примете её, когда мы подтвердим ваш срок, и беременность будет гарантированно прервана.

Он сделал пол-оборота на офисном кресле и добавил привычные пару строк в медицинскую карту.

– Я выпишу вам рецепт на 50 мг «Диклона», он способствует расслаблению мышц, и препарат под названием «Сайтотек».

Пока он говорил, сердце Элоизы билось как-то непривычно, неровно.

Беременность будет гарантированно прервана...

Во что она ввязалась? Как она, чёрт побери, вообще очутилась здесь?

– Процедура займёт не больше пары часов, и обычно всё проходит нормально, – продолжал врач. – Однако всё равно лучше выделить на это целый день, и чтобы кто-нибудь был рядом, пока это происходит. Я не припомню: есть ли у вас молодой человек, который сможет за вами присмотреть?

Элоиза покачала головой:

– И да, и нет. У нас всё... сложно.

Врач сжал губы и понимающе кивнул:

– Так обычно и бывает. Для большинства это непростая ситуация.

Элоиза посмотрела на таблетку на своей ладони и подумала про Мартина.

Она знала, что известие о ребёнке привело бы его в восторг. Мартин обрадовался бы и преисполнился ожиданий сверх всякой меры, а их отношения перешли бы на следующий уровень: он понуждал бы её двигаться вперёд семимильными шагами, а ей бы захотелось сделать шага три назад.

Элоиза предпочитала, чтобы всё оставалось как есть. Или, вернее, как было. Их отношения были забавными, милыми и, что самое главное, всё ещё ни к чему не обязывали. Но потом ей стало казаться, что с каждым днём они всё больше напоминают тикающую бомбу. Отсчёт начался с появлением двух полосок на тесте, и перед внутренним взором Элоизы уже мигали красные цифры, показывавшие время, которое оставалось до судного дня. Эта дрянь взорвётся, какой бы провод она ни решила резать – хоть красный, хоть синий. Это она знала.

Врач внимательно смотрел на Элоизу, пытаясь верно истолковать сдержанный язык её тела.

– Если вы сомневаетесь, вы можете, конечно, подождать...

– Я не сомневаюсь.

– Ладно, но тогда давайте посмотрим, какой у вас всё-таки срок?

Он подбородком указал на кушетку и надел очки в пластиковой оправе стального цвета. Стёклышки очков смотрелись на удивление маленькими на его широком лице.

– Такой домашний тест может быть неточным, а нам нужно быть уверенными, что ваш срок не больше восьми недель.

Элоиза сделала глубокий вдох и сняла куртку.

Тишину в комнате нарушало лишь тиканье секундной стрелки часов, висевших над кушеткой, и размеренное дыхание врача.

Сама Элоиза задержала дыхание.

Она лежала, отвернув лицо от изображений на мониторе, она боялась, что никогда не сможет стереть их из памяти, если увидит хоть на мгновение. Целую неделю она старалась не представлять себе, что там внутри, но по ночам ей спалось очень беспокойно, она вертелась волчком на мокрых от пота простынях и видела во сне маленькие ручки и ножки. Пальчики на них. Шею со складочками.

И никогда не видела лица.

Каждый раз в том месте, где заканчивалась шея, было лишь бесформенное пятно. Вогнутая поверхность, без контура, без цвета, как будто у ребёнка вместо головы была тарелка.

Что бы это значило?

Что она не хотела продолжать род Мартина? Что она приходила в ужас от мысли о продолжении своего собственного?

Элоиза никак не могла перестать думать, передаётся ли зло по наследству.

Могла ли у кого-то в крови притаиться гнильца, как дремлющая клетка, которая способна проявить себя через поколение или два. Ей ни при каких

обстоятельствах не хотелось предоставлять своё тело для такого эксперимента.

– Так, Илоиза, – сказал врач, – он уже довольно большой. Посмотрите сюда...

Элоиза нехотя повернулась.

– Вот здесь мочевой пузырь, здесь желудок... – Врач указывал на экран, на котором была видна непонятная чёрно-белая масса. – А это матка, видите?

Элоиза положила голову набок и тупо уставилась на кляксу перед собой. Это мог быть ультразвук чего угодно: человеческого мозга, коровьего желудка... Или Юпитера! Разницы она бы не увидела.

Он нарисовал пальцем небольшой круг вокруг пятнышка в форме арахиса.

– Вот, видите? По всей видимости, вы правы насчёт пяти недель, плюс-минус пара дней.

Элоиза кивнула и отвела взгляд.

– Всё в порядке? – спросил он и отключил монитор. – Ситуация прояснилась?

– Да. – Она приподнялась на локтях. – Но я вообще-то хотела спросить о другом. У меня уже довольно долгое время неприятное потягивающее ощущение в теле...

Врач снял латексную перчатку, из-за чего в воздухе образовалось облачко талька, и кивнул, чтобы она продолжала:

– Расскажите поподробнее.

– Не знаю, как объяснить. Что-то у меня... не в порядке. Хожу как потерянная, как будто в тумане, мысли мельтешат в голове. И это уже давно, мне кажется. Несколько месяцев. Задолго до вот этого, – она кивнула на живот.

Врач снял очки с носа двумя пальцами и положил их в карман футболки, внимательно глядя на Элоизу.

– Вы сказали «неприятное ощущение». Вы имеете в виду какого-то рода беспокойство?

– Да.

– На грудь давит? Учащённое сердцебиение?

Она кивнула.

– А чем вы занимаетесь, Илоиза? – постоянно это неправильное произношение. – Вы журналист, не так ли?

– Да.

– Значит, вы напряжённо работаете?

– Ну, пожалуй, да.

– Вы берёте работу на дом?

Элоиза пожала плечами.

– А разве не все так делают?

Он скрестил руки на груди и прикусил нижнюю губу, оглядывая Элоизу.

– Похоже на стресс. У вас в последнее время не было сложных периодов в жизни?

Элоиза ощутила покалывание в висках, а воспоминания забурлили в ней, как пузырьки метана в болоте: руки, сжимающие её шею; дети с погасшими глазами; буквы, высеченные на могиле её отца...

Воспоминания, от которых сердце Элоизы почернело и покрылось льдом.

Сложный период?

– Можно и так сказать, – ответила она, садясь.

– Ваши симптомы являются показателями стресса, – сказал врач и сложил руки на груди. – Но я бы всё равно предложил сдать анализы на замедленный обмен веществ, так что давайте возьмём кровь на всякий...

Его прервали два сильных удара в дверь. Не дожидаясь ответа, немолодая секретарша просунула ярко накрашенное лицо в дверь.

– Извините, что прерываю, Йенс, но вам звонят. – Она указала на телефонный аппарат, стоявший на светлом столе работы Ханса Вегнера[1 - Ханс Вегнер (Hans Wegner, 1914–2007) – датский дизайнер мебели.] в другом конце помещения. – Из школы. Говорят, это важно.

Врач нахмурился, и вертикальная морщинка пролегла посередине лба.

Он обернулся к Элоизе и виновато улыбнулся:

– Извините, если вы не против, я...

Элоиза махнула рукой:

– Конечно.

Он закрыл за собой матовую стеклянную дверь, которая разделяла кабинет на две части. Элоиза слышала, как он быстро идёт к телефону.

Она посмотрела на таблетку, которую всё ещё сжимала в руке. Та размокла от пота и начала расплываться на ладони, так что линия жизни Элоизы покрылась белой порошкообразной массой. Она положила таблетку на маленький железный поднос и краем уха слушала ответы доктора за дверью.

– Алло? Да, это я. Нет, он должен был... Который сейчас час, вы говорите? Значит, он освободился минут двадцать назад и, думаю, сейчас уже спускается по лестнице. Это может быть надолго... А может, он сразу пошёл на спортивную площадку с Патриком с продлёнки, я знаю, что они сегодня договаривались. Вы там проверяли?

Элоиза встала, надела брюки и взяла свою кожаную куртку.

– Нет, – продолжил доктор, – никто его не забирал. В этом я, во всяком случае, уверен, потому что сегодня его должна забирать жена, а она ещё на работе, и... Да, но я не могу... Ладно. Да, хорошо. Выхожу!

Элоизе было слышно, как он повесил трубку и набрал номер.

– Привет, это папа. Ты где? Перезвони сразу же, как услышишь моё сообщение, хорошо?

И ещё один звонок.

– Это я. Ты забирала Лукаса?.. С продлёнки только что звонили, он после школы не появлялся?

Элоиза улавливала в его голосе панику, нараставшую с каждой фразой. Она взглянула на фото в рамке, стоявшее на подоконнике. На нём врач выглядел моложе, чем сейчас, но Элоиза узнала его мягкий взгляд и твёрдую линию подбородка. Он обнимал красивую загорелую женщину с русыми волосами, одетую в летнее кремовое платье на бретельках. Между ними стоял ребёнок, на вид лет трёх-четырёх, и восторженно размахивал итальянским флагом.

– Я сейчас выезжаю туда, – прозвучало за стеклянной дверью. – Давай немного успокоимся, он же, чёрт возьми, должен быть где-то там.

Тревога в его голосе ещё больше убедила Элоизу, что она никогда не смогла бы так жить. В страхе. С той ответственностью, которую означает появление ребёнка. С той уязвимостью, которую он привнесёт в её жизнь.

Лучше уж ничего не чувствовать.

Она забрала таблетку с подноса, завернула её в салфетку и сунула в карман. Затем повесила сумку на плечо и вышла.

3

Вой пожарной сигнализации сдёрнул детектива Эрика Шефера на землю с тех облаков, в которых он витал, стоя у кухонной раковины.

Он стукнул по кнопке сигнализации кулаком размером с поме?ло и выключил тостер. Удручающий запах холодного пластика ударил в нос, когда он открыл холодильник и разочарованно уставился на полупустые полки.

Внутри не было ничего, кроме пачки масла, банки джема и литра жирного молока, которые они с Конни купили в магазине «7/11», приземлившись в аэропорту Каструп минувшим вечером.

Он выставил всё на стол и вытащил вибрирующий телефон из заднего кармана. Звонила Лиза Августин, его напарница из Отдела по раскрытию преступлений против личности.

– Да-алло?

– Привет, это я, – оживлённый голос Августин прогремел из динамика.

Шефер скривился и отдёрнул трубку от уха.

– Доброе утро, – пробормотал он.

– Ну, вообще-то уже добрый день! У тебя джетлаг?

Шефер проворчал что-то в ответ.

– Как ваша поездка?

– Поездка хорошо, – ответил он и осторожно вытащил подгоревший хлеб из тостера. – Я, чёрт возьми, остался бы там навсегда.

Он соскоблил ножом гарь с хлеба. Крошечные чёрные частички зависали в воздухе вулканической пылью и бесшумно опускались на столешницу. Они напомнили ему чёрный песок на пляжах острова Сент-Люсия в Карибском море, где они с Конни провели последние пять недель в своей хижине на пляже Жалузи Бич. Это был дышащий на ладан деревянный дом приглушённого розового цвета с белыми ставнями на окнах, с пальмами, жёлтыми олеандрами и манговыми деревьями на заднем дворе.

Он уже скучал по ним.

Они приезжали на остров, где родилась и выросла Конни, все двадцать девять лет их знакомства, и Шефер уже начал предпочитать тамошнюю жизнь копенгагенским будням. Но всегда находилось что-то, что заставляло его сесть на самолёт и вновь взять курс на Данию. Каждый раз он говорил Конни, что его влечёт туда отнюдь не работа, и тогда она снисходительно улыбалась. Она любила его достаточно сильно, чтобы позволить повернуть историю так, как ему хотелось.

А Лиза Августин – нет.

– Да ерунда! – засмеялась она. – Ты по мне скучал, признавайся!

Шефер проигнорировал это замечание.

– Чего звонишь?

– Хотела узнать, ты едешь?

– Через десять минут выхожу. – Он откусил кусок бутерброда с джемом. – Увидимся там.

– Нет, я потому и звоню. Я не в участке.

– А где тогда?

– Я еду в школу в Ньюхольм.

– Ньюхольм? – встрепенулся Шефер. – А что там случилось?

– Пропал ребёнок.

Он зажмурился. Первый рабочий день, и сразу такое дело.

– Да ты что... Что известно?

– Пока не очень много. Вызов приняли рядовые сотрудники, но я так поняла, что речь идёт о Лукасе Бьерре, десяти лет, который исчез сегодня в районе двух часов дня с продлёнки в школе.

Шефер взглянул на часы над плитой. Они показывали 15:33.

– Кто с тобой?

– Никого. Поэтому я и звоню.

– А как же Бро и Бертельсен, они где?

– Они расследуют убийство на Набережной Америки, а Клаусен сломал ключицу, так что я последние несколько дней солирую.

– Выезжаю.

Он повесил трубку и сделал глоток кофе, который Конни налила ему перед уходом в магазин. Кофе уже успел остыть.

Он быстро накинул ремни кобуры на плечи и достал зимнюю куртку.

По дороге к выходу он выглянул в окна террасы своего краснокаменного домика. Домовый воробей приземлился на скворечник, который Конни только что украсила двумя подвесными шариками-кормушками в зелёных сеточках,

предварительно бросив туда пригоршню промасленных семечек.

Взгляд Шефера скользнул по утомлённому зимой пейзажу и задержался на садовой мебели, сложенной штабелем в углу сада и укрытой ворохом сухих листьев цвета ржавчины. Сгущались сумерки. Он снова вспомнил о солнце, которое неизменно вставало над островом Сент-Люсия, вновь и вновь пробуждая новое дивное утро.

Поёжился и шагнул на холод.

– И какого лешего мы тут делаем? – пробурчал он и захлопнул за собой входную дверь.

4

Элоиза Кальдан нацелила пистолет на мужчину за большим столом, стоявшим посреди помещения.

Он сидел как будто в трансе, устремив взгляд на экран прямо перед собой, и под музыку из мобильного выбивал на краю стола барабанное соло выпрямленными указательными пальцами.

Один мощный удар по хай-хэту, а левой ногой – по невидимой бас-бочке.

Welcome to the jungle. We've got fun and games[2 - Добро пожаловать в джунгли. У нас здесь веселье и игры (англ.). Цитата из песни американской группы «Guns N'Roses» «Welcome to the Jungle».]

Элоиза долго рассматривала тёмно-каштановые кудри, падавшие на его высокий лоб. Белая свежевыглаженная рубашка плотно облегла мускулистые бицепсы и грудь.

Глядя на него, она улыбнулась.

Такой одарённый человек, подумала она. Такой чуткий. Такой талантливый. И такой отчаянно тщеславный.

Она прислонилась к косяку двери, медленно, бесшумно, и положила палец на курок.

– Могенс?

– Ммм?

Журналист Могенс Бётгер оторвал глаза от экрана в ту же секунду, как ему в грудь ударил порононовый шарик. Он издал животный крик и так резко откинулся на спинку кресла, что оно откатилось на пару метров назад.

– Какого?!

Он разъярённо смотрел на Элоизу, которая хрюкала от смеха, уперев руки в колени. Таблетка была надёжно спрятана в кармане и придавала ей такую лёгкость, что она почти парила над землёй. День начался так ужасно, а теперь, казалось, у неё появился план побега. Она могла стереть мел с доски и начать заново.

Like dodging a fucking bullet[3 - Словно увернуться в последний момент (англ., идиом.).].

– Ты б себя видел, – хихикала она.

– Кальдан... зараза! – Могенс Бётгер схватился за сердце. – Мне даже поплохело!

– Да ну, – Элоиза сдула несуществующий дымок с зелёного дула «Нерф Ган», – это всего лишь игрушка. Что плохого он может сделать?

– Ладно, тогда давай его сюда!

Могенс Бётгер поднялся. Он посмотрел на неё с высоты своих двух метров четырёх сантиметров и попытался вырвать пистолет из её рук.

– Ты сейчас на себе испытаешь, каково это!

Элоиза бросила пластиковый пистолет через всю комнату, и он приземлился на старый пошарпанный честерфилдский диван.

– Хорошо, хорошо, ты победил! – она подняла перед собой руки в знак примирения.

Бётгер неохотно отпустил её и с выражением детской обиды на лице уселся на стул.

– Ты похожа на чудика с «Улицы Сезам», Кальдан, когда смеёшься, ты в курсе?

Он по-дурацки вытаращил глаза и стал пародировать её беззвучный смех, поднимая и опуская плечи. Он так широко разевал рот, что в него легко поместился бы кусок дыни или деревянный игрушечный кубик.

– Это ты, Кальдан! Старая хихикающая балда!

Элоиза улыбнулась и села за стол на своё рабочее место напротив Бётгера.

Он кивнул в сторону дивана:

– И где ты взяла это смертоносное оружие?

– Это пистолет Кая.

Левая бровь Бётгера скептически изогнулась.

– Как-как? – Он сделал музыку потише. – Ты сказала, Кая?

Его удивление было отнюдь не безосновательно.

Кай Клевин – господин, покрытый пигментными пятнами, занимал в издании «Demokratisk Dagblad» должность ресторанный критика. Он был известен как страшный сноб, испытывающий латентную ненависть ко всему, что могло нравиться пролетариату. Статьи Клевина предназначались небольшому проценту читателей, разделявших его восторг в отношении – по определению Элоизы – «самоистязательного гастроонанизма».

– Ради всего святого, что Кай делает с этим кислотным пистолетом для пейнтбола?

– Это не пейнтбольный пистолет, это бластер фирмы «Нерф»!

– Это психопатическое оружие для быдла. Поэтому я повторяю вопрос: как оно может принадлежать Каю?

Элоиза пожала плечами.

– На прошлой неделе он приводил на работу внука. Наверное, пацан его забыл.

Бётгер закатил глаза.

– Тот мелкий уродец с кривым прикусом, который недавно носился тут кругами и истерил?

– У-гу.

– Так это внук Кая?

Элоиза кивнула.

Он поморщил нос.

– Фу!

– Про детей нельзя говорить «фу».

– А уж это мне до лампочки. Он вылитый Кварк[4 - Кварк (Quark) – маленький йотун, нарисован датским художником Петером Мадсенем, герой комикса «Валгалла» («Valhalla») и снятого по его мотивам одноимённого мультфильма.]*! – Могенс выставил вперед нижнюю челюсть и уставился вперёд невидящим взглядом, как персонаж мультика. Затем снова посмотрел на Элоизу и развёл руками: – Я не прав?

Пожав плечами, она начала доставать записные книжки и рабочие бумаги из своей сумки.

– Значит, я прав, – подытожил Бётгер, – но будем честны по отношению к Кварку: симпатичные дети в целом редко встречаются. Когда я отвожу Фернанду в садик по утрам, я вижу всю эту компашку: сидят, а у них сопли висят до полу, ужасно противно. От них ещё и пахнет!

– Слушай, Могенс, а если признаться, как ты на самом деле думаешь? – улыбнулась Элоиза.

Она вытащила мобильный и открыла письмо, которое получила от Мортена Мунка из Отдела специальных журналистских расследований. Заголовок письма гласил: «Ветераны vs мирные жители? Статистика самоубийств».

– Кальдан, если с тобой я не могу поделиться этим, то с кем тогда мне делиться? Среди моих знакомых ты – единственный человек с непромытыми мозгами. Вот моя сестра, знаешь?

– А что она?

– Раньше с ней было так здорово. Она всегда была интересным собеседником – и смотрела на вещи небанально. А потом встретила этого, как его, Нильса. В просторечии: Нильса-из-Нордеа[5 - «Nordea» – крупный скандинавский банк.]. Они родили детей, двоих, – дети вполне милые, что правда, то правда. Но теперь семейство переехало в Холте в одноэтажный коттедж, обзавелось электрической газонокосилкой, всякими гаджетами...

– И что с того?

– Сестра стала ужасно скучной.

– Но она же счастлива?

– Ещё как счастлива, конечно! Но ей это не идёт.

Элоиза подавила смешок и издала вместо него какой-то носовой звук.

– Ну хорошо хоть ты не изменился, став папой. – Она бросила на него ироничный взгляд.

Бётгер раздражённо кивнул в ответ.

– Разумеется, люди меняются, они же не каменные. Но я сохранил цинизм, а это, знаешь ли, важная черта, – он помахал указательным пальцем, подчёркивая важность своих слов.

– Да, да, как скажешь, капитан Хэддок[6 - Арчибальд Хэддок – персонаж серии комиксов «Приключения Тинтина» бельгийского художника Эрже. Капитан знаменит своим сарказмом и использованием необычных ругательств.].

– Правда! И это, кстати, одна из причин моей симпатии к тебе, Кальдан. Из всех людей, которых я знаю, ты одна из самых циничных.

– Ой, спасибо, ужас какая прекрасная характеристика.

Бётгер уважительно наклонил голову, как будто только что произвёл её в рыцари:

– Never change[7 - Не меняйся (англ.)], хорошо?

– Можешь не беспокоиться, – сухо сказала Элоиза, – в этом плане бояться нечего.

Она прочитала мейл от Мортена Мунка по вопросу самоубийств среди ветеранов. Потом позвонила своей лучшей подруге Герде.

Это была уже третья попытка за день. Обычно Герда быстро перезванивала, не позже, чем через час, максимум – через три, и, как правило, отправляла СМС.

Однако сегодня было тихо.

– Привет, это я. Перезвони, пожалуйста! – сказала Элоиза автоответчику. – Мне нужна твоя помощь с той статьёй, о которой я недавно рассказывала.

Она повесила трубку, и в ту же секунду редактор Отдела специальных журналистских расследований Карен Огорд просунула голову в дверной проём за её спиной:

– Куда все запропалились?

Элоиза описала дугу на вращающемся стуле и вопросительно посмотрела на дверь прежде, чем расплыться в улыбке.

– Ой, привет! Я думала, ты сегодня приболела...

– Я не приболела. А вы чем занимаетесь? Где все?

Карен Огорд язвительно посмотрела на Элоизу поверх оправы роговых очков и кивнула в сторону пустых стульев в редакции. Обычно она была по-матерински участлива, но сегодня излучала на удивление ядовитые флюиды.

Элоиза в замешательстве сдвинула брови и пожала плечами:

– Не знаю. Вышли, видимо?

– Редакционное собрание. Прямо сейчас! – рявкнула Огорд.

Не говоря больше ни слова, она развернулась на каблуках. Было слышно, как её синие шпильки громко цокали по коридору в направлении переговорной.

Элоиза и Бётгер переглянулись.

– Что это было? – спросил он.

Элоиза пожала плечами и встала:

– Идёшь?

5

Эрик Шефер выключил сирену, минуя Национальную галерею. Слухи об исчезновении мальчика вскоре должны были распространиться, как блохи в лагере бойскаутов, и запустить волну паники среди родителей школьников. Не стоило ускорять этот процесс.

Добравшись до школы, он припарковал чёрный, весь покрытый царапинами «Опель Астра» на тротуаре возле статуи Кристиана IV. Монарх гордо обозревал школу, которая располагалась на узком участке между железнодорожной станцией Остерпорт и желтовато-коричневыми казармами Военно-морских сил – как будто «отель» из Монополии.

Школа Ньюхольм среди прочих школ – то же, что Мраморная церковь среди прочих церквей, подумал Шефер. Не взбалмошная авангардная часовня с органом, похожим на трубы нефтяной платформы, а место, где есть душа... дух. Ему было совершенно плевать, сколько международных премий завоевали современные молодые звёздные архитекторы или сколько парадов проводилось в их честь. Они могли бы выстроить ещё множество зданий, похожих на горки для слалома или экологические панда-парки, но Шефер терпеть не мог все эти конструкции из стекла и бетона, которые вырастали то тут, то там по всему городу.

Иногда ему казалось, что он, должно быть, единственный во всей стране, кто ещё не свихнулся. А может, он просто стареет... Впрочем, суть одна и та же.

Его взгляд скользил по школьному двору, где толпа людей собралась в сумерках. Мамы и папы стояли кучками, держа детей как можно ближе к себе, и он уже на расстоянии мог распознать выражение их лиц: все предосторожности

уже напрасны. Блохи поскакали.

Шефер заметил детектива Лизу Августин, которая вот уж четыре года была его напарницей, когда проходил мимо футбольной коробки, где кривоногий прыщавый подросток бросал мяч в кольцо. Августин в сопровождении двух рядовых полицейских беседовала с семейной парой. По их вытянувшимся, полупрозрачным лицам Шефер понял, что это родители пропавшего мальчика.

Если бы не рост, мужчина был бы вылитый Роберт Редфорд[8 - Голливудский актер и продюсер.], подумал Шефер. Золотистые волосы, выдающиеся нос и подбородок придавали ему выражение, характерное для персонажей старого Голливуда. Женщина рядом с ним тоже была красива, но она немного терялась в толпе других матерей, одетых, как и она, по моде и статусу. Она производила впечатление практичной и прагматичной – в противоположность Мистеру Голливуду, – а вот взгляд её противоречил этому образу, заметил Шефер. В её глазах читался чистый ужас.

Шефер перехватил взгляд Лизы Августин, и их воссоединение после пятинедельной разлуки было ознаменовано всего одним коротким кивком.

Она пошла ему навстречу. Когда они поравнялись, Шефер спросил:

– Появился?

Августин отрицательно покачала головой. Её светлые волосы были собраны на затылке в тугий узел.

– Нет. Всё хуже, чем я думала.

– Что ты имеешь в виду?

– Он вообще сегодня не был в школе. Никто не знает, куда он делся.

– Как это понимать? Когда его видели последний раз?

– Сегодня утром, на школьном дворе. Есть свидетель того, как он заходил вон в ту дверь около восьми часов. – Она указала на старую дубовую дверь за их

спинами, один из двух выходов на школьный двор. – Но он не дошёл до класса на третьем этаже к началу урока, и никто не видел его уже... – она посмотрела на мужские часы «Таг Хаэр» на своём запястье, – вот уже часов восемь.

– Восемь часов?! – Шефер постарался сдержаться, но кровь застучала у него в висках. – Какого чёрта в школе не спохватились раньше?

Он огляделся в поисках кого-нибудь из учителей, кого можно было бы вздёрнуть на ближайшем суку, и его взгляд упал на мужчину средних лет, который плакал, прислонившись к высокому школьному турнику. На нём были рыцарские доспехи из крашеной пластмассы, а под мышкой торчала рукоять поролонового меча.

– Классный руководитель подумал, что мальчик заболел, – сказала Августин. – Здесь не принято проверять отсутствующих в течение дня. Проверка бывает только в конце уроков, когда за детьми приходят мамы.

Она указала большим пальцем через плечо:

– «Лабиринт» – так называется местная продлёнка – находится здесь же на первом этаже. По правилам родители должны заполнить онлайн-форму, если ребёнок заболел. И если нет ни ребёнка, ни отметки о болезни, педагоги звонят родителям и уточняют, что с детьми. Забрали их или они заболели.

– И?

– И когда мальчик не появился, они позвонили родителям, те попадали в обморок, и вот мы здесь.

Августин протянула Шеферу фото:

– Фотография сделана в начале учебного года, но они утверждают, что причёска все та же и что в целом он особенно не изменился с августа.

На фото был светловолосый мальчик с тонкими приоткрытыми губами, он с любопытством смотрел в камеру, как будто собирался о чём-то спросить, когда был сделан снимок. Большие голубые глаза смотрели настороженно, кожа была светлая, но не бледная. Красивый мальчик, подумал про себя Шефер. Тонкие

черты лица и длинные густые ресницы были по-девчачьи прелестны.

– Вот он, значит, – пробубнил Шефер. Он положил фото во внутренний карман тёмно-зелёной толстовки и оглядел здание школы. – Там должны быть сотни мест, где можно спрятаться. Чердаки, подвалы, туалеты, спортзал... Нам нужно будет всё осмотреть. Он вошёл здесь, говоришь?

Шефер взялся за ручку двери. До него дошло, что в старом здании школы была не только душа, но и определённые технические проблемы. Ему пришлось навалиться всем телом, чтобы тяжёлая дубовая дверь подалась.

– Обычно он заходит здесь, когда идёт на уроки. Но вот там находится чёрный ход, – она кивнула на дверь в противоположной стороне коридора. – Так что, в принципе, придя утром в школу, паренёк мог сразу же и выйти через вторую дверь.

– Думаешь, он сбежал?

Августин развела руками:

– Возможно.

Шефер прошёл к двери, открыл её и оказался на заднем дворе. Он осмотрелся.

Перед ним высился отель «Остерпорт» – безобразная, похожая на тюрьму громада из стекла и бетона. Он пошёл налево вдоль отеля и оказался у заросшего склона за оградой из стальных прутьев. Кое-где прутьев не хватало, и сквозь зияющие дыры можно было свободно попасть на склон, который спускался к железнодорожным путям за отелем. Чуть дальше за путями располагалась станция Остерпорт.

Шефер шагнул в одну из дыр и оглядел территорию по ту сторону ограды.

Мог ли мальчик пройти здесь напрямик? Запрыгнуть на поезд или углубиться в парк Остре Анлег, который, подобно джунглям, раскинулся за расписанными граффити стенами станции?

Поезда, останавливавшиеся на Остерпорте, шли по всевозможным маршрутам во всевозможных направлениях, это Шефер прекрасно знал. Они растекались по четырём сторонам света, и за восемь часов мальчик мог достичь Касселя, Стокгольма, добраться куда угодно. Поздно они начали.

Слишком поздно.

Его мысли заглушил гул прибывшей на станцию электрички. Визг тормозов раздирал морозно-ясный воздух. Шефер вернулся к Августин, заткнув ухо пальцем.

– Нам придётся обыскать всю школу. Нужно просмотреть записи камер в отеле и на станции и поговорить с местными, может, кто видел мальчика в течение дня. У него мобильный с собой?

– Да.

– Отследить его как можно скорее, посмотрим, включён он или выключен и когда им в последний раз пользовались. Свидетелей, с которыми ты уже успела побеседовать, нужно опросить официально. – Он указал вперёд. – Острере Анлег находится прямо за путями, его нам тоже придётся прочесать.

– Это огромная территория.

– Именно. Поэтому пора приступать.

Августин приложила телефон к уху:

– Сколько людей мне запросить у Карстенсена?

Начальник полицейского управления Пер Карстенсен был в последнее время непривычно щедр с сотрудниками. После того как правительство приняло решение переложить на военных некоторые функции полиции, в распоряжении Следственного отдела оказалось достаточно людей для большинства рабочих задач. Это как вилла у пляжа для только что разбогатевшего рэпера из бедного квартала: непривычная роскошь, которой боишься лишиться. Но это всего лишь вопрос времени: вскоре их наверняка откинет обратно в каменный век.

– Запускаем весь цирк. И скажи, чтобы взяли поисковых собак. Надо найти пацана как можно скорее!

Августин кивнула.

– Восемь часов... – сказал Шефер.

Они переглянулись, и по морщинкам на лице Августин Шефер понял, что она думает о том же.

– Скоро стемнеет, и температура опустится ниже нуля. Ничего хорошего, чёрт побери, ничего хорошего...

6

– Ну?

Редактор Карен Огорд медленно обвела переговорную взглядом.

Она напоминала тюремного надзирателя во время проверки; в полной готовности перевернуть личные вещи заключённых, перевернуть матрасы и проинспектировать пустые флаконы от дезодоранта в поисках запрещённых веществ и оружия – да чего угодно, лишь бы устроить всем публичную порку и сослать кого-нибудь в карцер.

– Чем порадуешь? – Она вперила взгляд в Бётгера, державшегося, как обычно, высокомерно.

– У меня история, достойная премии Кавлинга[9 - Премия Кавлинга (дат. «Cavlingspris») – наиболее престижная награда Дании в области журналистики. Названа в честь Генрика Кавлинга, третьего почётного редактора газеты «Политикен».]

Огорд фыркнула.

– Давай послушаем, что за история, пока ты своё имя на латунной табличке не выгравировал.

– Три моих источника сообщают, что криминальная статистика, опубликованная последним правительством, была в значительной степени подтасована.

– Подтасована? Каким образом?

– Она, мягко говоря, неполная. Там не хватало ключевых цифр, касающихся представительства в судебной системе, и когда обнаружилось, насколько чаще иностранцы упоминались в статистике, чем датчане, их решили вообще не включать. Просто-напросто испугались шумихи, которая разразилась бы, если правда откроется. Поэтому иностранцев сознательно не упоминали, сократив таким образом процент иностранцев среди преступников – так же, как сделали в Швеции. Подчистили как следует.

– Кто принял такое решение?

Бётгер пожал плечами:

– Это однозначно был министерский план, но начальник полиции, так или иначе, должен быть в этом замешан.

– И с какой целью это делалось?

– Политика! – Бётгер всплеснул руками, подчёркивая очевидность высказывания. – Пока бо?льшая часть населения считает, что все эти страшилки – просто националистская пропаганда, наши господа с господами сидят спокойно. Датчанам сознательно морочат голову, чтобы ситуация с мигрантами не выглядела настолько критичной, какова она на самом деле.

– А что у тебя за источники? – спросила Карен Огорд.

– Двое полицейских со Стейшн Сити и один из Ховедбанен. Они говорят, что факт подтасовки цифр хорошо известен в полиции. Им вообще до смерти надоело иметь дело с бандами иностранцев и заполнять бумажки, и они очень хотели бы предать гласности настоящие цифры.

– Кто-нибудь из них хотел бы высказаться публично?

Бётгер отрицательно покачал головой:

– Никто не осмеливается выступить. Цитировать их нам тоже нельзя. Но у меня здесь реальные цифры.

Он взял небольшой чёрный ежедневник двумя пальцами и помахал им перед Огорд, как маятником.

– Так что задача следующая: сопоставить опубликованную статистику с фактической. И задать вопрос, почему кто-то решил проделать все эти фокусы с цифрами. Пованивает со стороны левых, так что кому-то явно придётся объясниться. И начальнику полиции тоже.

– Хорошо, – кивнула Огорд, слегка смягчившись. – Я не думаю, что эта тема прямо-таки достойна золотой статуэтки, ну да ладно. Возьми её.

Она обратила взгляд к Элоизе:

– Кальдан? А у тебя что?

– Я собираю материал для статьи о посттравматическом стрессовом расстройстве – оно же ПТСР – среди ветеранов. Рабочий заголовок: «Запоздалые жертвы войны». В прошлом месяце с собой покончили три ветерана с ПТСР. Это примечательный рост, сравнивая цифры за этот же месяц в течение последних десяти лет.

Лицо Карен Огорд вытянулось, рот как будто опустился на пару сантиметров.

Элоиза в нерешительности разглядывала своего редактора: тёмные волосы у Огорд были, как всегда, собраны в тугой хвост, жемчужные серьги-гвоздики тоже были на месте. И всё же что-то было... не так. Внезапно до неё дошло, что Огорд была не накрашена. Элоиза не могла припомнить, чтобы хоть раз видела шеф-редактора без макияжа. По-зимнему бледная кожа и уставшие глаза в обрамлении полупрозрачных ресниц делали её похожей на обескровленный труп. Вид у неё был, мягко говоря, не шикарный.

Элоиза отогнала от себя эти мысли и взялась за мобильный. Она открыла СМС-переписку, которую вела с Гердой в начале недели.

– Одна моя подруга работает в Вооружённых силах. Её зовут Герда Бендикс. Она психолог, специализируется на травматических расстройствах, и ей, конечно, нельзя распространяться о пациентах. Но я точно знаю, что один из погибших был её пациентом. Так что она может помочь пролить свет на проблемы вернувшихся с войны солдат.

Элоиза вытащила из сумки лист бумаги – график со статистикой самоубийств среди военных с 2001 года – и протянула его Огорд через стол.

– Подавляющее большинство призывников – совсем молодые люди, которые даже малейшего представления не имеют о том, что их ждёт. А теперь произошло уже четвёртое.

– Четвёртое что? – спросил Бётгер.

– Самоубийство. Не далее как вчера был найден труп молодой военнослужащей, она...

Карен Огорд вскочила.

Элоиза оглядела её с ног до головы. Могенс Бётгер от удивления открыл рот.

– Мне нужно бежать, – сказала Огорд и стала собирать свои бумаги, – я совершенно забыла, у меня... Мы всё обсудим позже, хорошо?

Она попятилась на пару шагов к двери, повернулась, закрывая за собой дверь, и исчезла.

– What the fuck?[10 - Какого чёрта? (англ.)] – сказал Бётгер вслух. Он взглянул на Элоизу. – Странная она какая-то сегодня.

Элоиза непонимающе пожала плечами.

– Миккельсен с утра сказал, что она заболела, а она всё равно пришла... Только бы ничего серьёзного...

– Карен? Да нет, ну что может случиться? Она здорова как бык, аж хочется ей врезать. У неё отменное здоровье, настоящий Андерс Фог[11 - Андерс Фог Расмуссен (дат. Anders Fogh Rasmussen) – датский политик, с 2009 по 2014 год генеральный секретарь НАТО. В 2001–2009 гг. возглавлял правительство Дании.]. Наверно, она просто... – Бётгера вдруг осенило, он поднял брови, – это, очевидно, из-за Петера.

– Сына Карен? – спросила Элоиза. – А что такое?

– Его снова отправляют на службу. Я был вчера рядом с Карен, когда он позвонил и рассказал ей. Она побелела как полотно.

Элоиза нахмурилась.

– Я не знала, что он всё ещё в Вооружённых силах...

Сын Огорд был военным в течение долгого времени, но последние несколько лет он работал начальником охраны в кредитной организации, и Карен была счастлива, что его армейские дни окончены.

– Он уволился и снова пошёл в армию.

– И тут ещё я с рассказами о солдатах, которые лишают себя жизни. – Элоиза со вздохом запустила руку в волосы. – Бедная Карен!

Зазвонил лежавший перед Элоизой мобильный. На экране высветилось имя Герды.

– О, ну наконец-то, вот и ты, – сказала она в трубку. – Я пробовала дозвониться до тебя пару раз, но ты, наверное, оставила...

– В школе полиция! – Герда не дала ей договорить. Её голос звучал непривычно громко, как будто она пыталась перекричать музыку.

Ледяная волна пробежала по телу Элоизы. За сотую долю секунды перед её внутренним взором пронеслись сценарии самых ужасных происшествий.

Террористический акт. Стрельба в школе. Учитель, спустивший штаны...

– Лулу в порядке? – Элоиза встала со стула.

– Да, извини, мне нужно было сразу это сказать. Она со мной. Но пропал один мальчик. Я видела, как его привели в школу с утра, а сейчас его нет. И никто понятия не имеет, где он был весь день. Я думаю, его похитили!

7

– С кем ты разговаривала?

Шефер посмотрел на Лизу Августин, когда они снова оказались на школьном дворе.

– С Йенсом и Анной Софией Бьерре, – она указала на родителей. Те беседовали с полицейскими и какой-то женщиной, будто сошедшей со страниц газетной иллюстрации: худой, как бумага, и практически двумерной. – Та женщина, с которой они разговаривают, заведует продлёнкой. Ещё я разговаривала с ней, – Августин указала на высокую темноволосую женщину, грациозную как лань, которая стояла посреди двора, разговаривая по телефону и держа за руку ребёнка. – И вот с тем педагогом, – она кивнула в сторону юной особы с андрогинной внешностью и азиатскими чертами лица. У особы были длинные чёрные волосы, собранные на затылке в хвост, накрашенные глаза и накачанное мужское тело. Шефер так и не смог отгадать, мужчина это или женщина. – Кевин как-его-там-не-по-нашему.

«Значит, мужчина. Впрочем, какая, к чёрту, разница», – подумал Шефер и стал осматривать школьный двор.

– А что за товарищ из «Игры Престолов» вон там? – он указал подбородком на человека в ролевом костюме, который всхлипывал возле турника.

– Его зовут Патрик... – Августин заглянула в свои записи, – Йоргенсен. Он ассистент преподавателя. Они с Лукасом ставили представление на спортивной площадке, что-то связанное с фехтованием. Сегодня у них была назначена репетиция.

Шефер приподнял бровь. Он в равной степени завидовал и не доверял взрослым, которые наладили такой хороший контакт со своим внутренним ребёнком (и так легко пускали слезу). Было что-то неестественное во взрослых мужчинах, которые наряжались в карнавальные костюмы и играли в ковбоев и индейцев. И плакали.

Он снова посмотрел на грациозную женщину. Она беседовала с кем-то из родителей, стоявших к Шеферу спиной. Пар, облачками вылетающий у неё изо рта, свидетельствовал о сильном волнении. Что-то в этом лице было знакомо Шеферу. Однако он не мог обратить это воспоминание в слова или визуализировать.

– Кто эта модель? – спросил он, когда вой полицейских сирен утих вдалеке.

– Это Герда, – на этот раз Августин не пришлось обращаться к записной книжке, – Герда Бендикс.

Шефер сразу понял, почему Лиза запомнила её имя. Женщина была вызывающе красива, а если Лиза Августин чем-нибудь и увлекалась в жизни, так это красивыми женщинами.

– Она мама одной из учениц, и – насколько мы знаем – она была последней, кто видел мальчика.

– Бендикс? – повторил Шефер и поскрёб щетину на подбородке. – Откуда же я знаю это имя?

Собеседница Герды обернулась к Шеферу, и чувство радостного удивления вспыхнуло у него в груди. Он ошибся: это была не родительница. Это была журналистка Элоиза Кальдан.

В ту же секунду и Кальдан его заметила, её лицо осветилось улыбкой, и она сразу же направилась к нему.

– Привет, Шефер, – поздоровалась она, подходя. – Добро пожаловать домой!

В ответ он расплылся в улыбке:

– Элоиза.

Они встречались последний раз месяца два назад, и при обычных обстоятельствах он бы её обнял, даже, может быть, поднял в воздух и крепко стиснул. Но нынешние обстоятельства обычными не были.

– Быстро ты... – заметил он осторожно.

То, что представители прессы появились здесь так быстро – в самом начале расследования, – было отнюдь не удивительно. Однако, как правило, это были охочие до людской крови крысы из жёлтых газет, которые сновали повсюду в погоне за сенсацией. Так и хотелось съездить им по рожам! «Demokratisk Dagblad» и другие серьёзные СМИ редко освещали частные дела, пока те не приобретали общественный резонанс, – но даже тогда стиль их статей был сухим и уважительным.

Шефер провёл на месте преступления совсем немного времени, а Элоиза Кальдан уже тут как тут, готовая задавать вопросы. Это было необычно. И даже говорило о проблемах.

– Я вообще-то не по работе, – сказала Элоиза, как будто уловив его настроение. – Или нет, я хотела сказать – я никогда не бываю не на работе, но сейчас я здесь не из-за газеты.

Шефер приподнял бровь:

– Да?

– Помнишь мою подругу Герду... – Она кивнула через плечо.

Ну да, разумеется. Вот почему эта женщина показалась Шеферу знакомой. Как-то раз в прошлом году они встретились в Национальной королевской больнице, когда там лежала Элоиза. Но Шефер был тогда слишком занят расследованием, чтобы как следует её запомнить.

– Но сейчас, раз уж я всё равно здесь, хотелось бы поподробнее разузнать, что происходит, – сказала Элоиза. – Вы считаете, что мы имеем дело с похищением, что парень сбежал или есть какая-то другая версия?

Шефер медлил, изучая её взглядом, и взвешивал свои возможности.

«Ну вот опять», – подумал он.

Была в мире горстка людей, с которыми он рука об руку опускался на самое дно. Люди, ради которых он в лепёшку бы разбился. Шефер чувствовал, даже знал точно, что связан с ними – и связь их будет длиться всю жизнь. Так было с его давними сослуживцами времён войны в Персидском заливе и с судмедэкспертом Йоном Опперманом, с которым он оказался по шею в крови в братской могиле в Косово. Он ощущал ту же глубокую связь со своим давним коллегой по полицейскому корпусу Петером Рюэ, а сейчас – с Элоизой Кальдан.

Между ними было взаимопонимание: своего рода соглашение, которого даже Конни не смогла бы понять. Он делился с женой всеми своими переживаниями, не укрывая деталей или тайных мыслей. Он ценил её заботу, её умение слушать. Но ей было не понять, что с ним творилось из-за того, что каждый день за ним неотступно следовала смерть, – по той простой причине, что она, слава богу, сама никогда с этим не сталкивалась.

В последнее время консультация у полицейского психолога была стандартной процедурой в Управлении. На неё было необходимо приходить, например, во время расследования особо чудовищного дела об убийстве или если сотрудник сталкивался с каким-либо чрезвычайным происшествием, травмирующим психику. Молодняк с радостью отдавал себя в руки психоаналитиков с ровным маникюром и стрелками на брюках, но не Шефер. Он и представить себе не мог более бестолкового занятия, чем демонстрировать свои рубцы на сердце кому-то, кто никогда первым не открывал дверь с заряженным «хеклером»[12 - Heckler & Koch – марка огнестрельного оружия.] в руке. Кто никогда не вдыхал смрад смерти и не знал, каково это – мечтать прополоскать рот хлоркой и

выскрести ложкой все слизистые оболочки.

Ему нужно сидеть и обсуждать мрачные аспекты своей работы с кем-то, чей кругозор ограничивается пауэрпойнтовскими слайдами о циклах усиления страха и когнитивных техниках самопомощи?

Да ни за что на свете!

Но Элоизе Кальдан и самой доводилось заглядывать в бездну. Именно на краю обрыва Шефер и встретил её в прошлом году, когда убийца, находившаяся в розыске, начала присылать ей письма. Эти письма заставили Элоизу посмотреть реальности в глаза и сказать последнее «прости» своему отцу. Смерть отца явно показала ей, что мир, по сути, так себе местечко, и это осознание легло на неё холодной непробиваемой оболочкой. Она стала циничной и чем-то напоминала Шеферу его самого. Тем не менее была одна вещь, которая всегда стояла между ними: её работа.

Мог ли он положиться на Элоизу в ситуации, когда речь шла о жизни и смерти?

Определённо!

А когда дело касалось работы?

Это уже вопрос...

Шефер откашлялся:

– Прежде чем мы сможем делать официальные заявления, необходимо разобраться в ситуации как следует.

– Разумеется, – кивнула Элоиза. – Правильно ли я понимаю, что наш завтрашний ужин отменяется? – Она слегка улыбнулась.

– Ммм... Давай посмотрим... Конни очень хочет тебя увидеть, так что...

Элоиза обернулась и вновь посмотрела на Герду Бендикс, которая присела на корточки напротив своей дочери и ободряюще говорила что-то, убирая ей волосы

за уши.

Элоиза поёжилась.

– Я, эээ... Я спрашиваю об этом не только из-за работы. Мне любопытно, потому что я была с отцом мальчика, когда ему позвонили...

Шефер откинул голову назад, наморщив лоб:

– Ты?

Элоиза кивнула.

Шефер приподнял брови в задумчивости:

– Но... А что с Мартином, разве вы...

Его прервали громкие голоса. Шефер обернулся и увидел, как отец Лукаса Бьерре схватил одного из молодых полицейских за воротник, а мать мальчика прижалась к плечу мужа.

– Да СДЕЛАЙТЕ же вы что-нибудь! – орал Йенс Бьерре. – Вы тут топчетесь и... и... только БОЛТАЕТЕ!

Он начал трясти полицейского так, будто хотел пробудить его от глубокого сна, но в эту секунду его приобняла за плечи Лиза Августин.

– Тише, – сказала она мягко. – Вам нужно успокоиться. Вы меня понимаете?

– Ну тогда СДЕЛАЙТЕ что-нибудь! – Йенс резко обернулся к Августин и сжал ладони как в молитве. У его жены дрожали приоткрытые губы, а взгляд остановился в детской беспомощности.

– НАЙДИТЕ ЕГО! – рычание Йенса Бьерре раздавалось в зимнем сумраке. – НАЙДИТЕ МОЕГО СЫНА!

– Берегите голову.

Шефер приподнял полосатую ленту, закрывавшую парадный вход в школу Нюхольм, и махнул рукой, приглашая пройти: После вас.

Анна София Бьерре пригнулась и шагнула вперёд.

Она была хрупкого телосложения, отметил про себя Шефер. Её русые волосы были распущены и красиво, непринуждённо обрамляли лицо. Августин сообщила Шеферу, что Анна София работала учителем немецкого и английского в частной школе неподалёку от их с Конни дома. Он также знал, что они с Йенсом Бьерре были вместе четырнадцать лет, из которых двенадцать состояли в браке, и что Лукас – их единственный сын.

– Сюда, пожалуйста, – сказал Шефер и опередил её одним широким шагом.

– Куда мы идём? – безэмоционально спросила она. И, обхватив себя руками, добавила: – Где мой муж?

– Он беседует с моей коллегой. Будьте любезны присесть, она через минуту подойдёт к вам, – Шефер указал на стул, стоявший в классе.

Анна София Бьерре схватила его за кулак обеими руками. Её руки были холодны.

– Вы пообещаете мне, что найдёте Лукаса?

Шефер встретил её проникновенный, несколько растерянный взгляд. В её дыхании чувствовался алкоголь.

– Здесь работают наши лучшие люди, – сказал он, и это было чистой правдой.

За прошедший час школу Нюхольм и окрестности наводнили полицейские. Сотрудники Отдела по раскрытию преступлений против личности, кинологи и

криминалисты прочёсывали чердаки, мусорные контейнеры, квартиры и сады на задних дворах старых домов Севарнеса, многие из которых круглый год пустовали. Был составлен список адресов, по которым проживали люди, совершавшие ранее преступления сексуального характера в этом районе, и полицейские уже собирались к ним наведаться. Ориентировка с приметами и фотографией Лукаса Бьерре была разослана патрульным инспекторам и в полицейские участки по всей стране, а рядовые сотрудники собирали данные с камер видеонаблюдения в районе.

Но пока никаких следов мальчика найдено не было.

– Пообещайте мне, что найдёте его, – повторила Анна София Бьерре.

Шефер улыбнулся своей ни к чему не обязывающей улыбкой и положил руку ей на плечо.

– Посидите в этом классе, пожалуйста, а моя коллега подойдёт через минуту, хорошо? Подождите здесь.

Она нехотя вошла в класс. Потом снова обернулась к двери:

– Шефер? Так вас зовут?

Он кивнул.

– Сколько у вас было подобных дел? Таких, когда пропадали дети?

– Много.

– А сколько детей вернулось домой?

Шефер немного помедлил:

– Большинство.

Он оставил Анну Софию Бьерре и пошёл в помещение, которое располагалось неподалёку. Все классы в этом коридоре школы были временно переоборудованы в комнаты для допроса, где следователи опрашивали свидетелей и родственников.

– Так, давайте проговорим всё ещё раз. – Шефер протянул стакан воды Йенсу Бьерре. – Очень важно, чтобы мы собрали как можно больше деталей. Они сейчас могут казаться незначительными: люди, которых вы встречали по дороге, настроение Лукаса и всё такое.

Йенс Бьерре кивнул.

Он не снимал тренкот тёмно-синего цвета с поднятым шерстяным воротником. На маленьком школьном стульчике он смотрелся странно и непропорционально. Парта была похожа на спичечный коробок, а колени Йенса поднимались ему почти до ушей. Он сидел, не открывая глаз и закрыв лицо руками. На смену животному страху, обуявшему его на школьном дворе, пришли жажда облегчения и мольба о помощи.

– Мы попрощались у ёлочки, – прошептал он. Его голос прозвучал мягко, как детский. Испуганно.

– У ёлочки?

– Да, так... так его называет Лукас, – он открыл покрасневшие глаза и указал на жутковатого вида турник в виде дерева с металлическими ветвями и гирляндами из заснеженных канатов. – Я подождал, пока Лукас не дошёл до входа, и он зашёл внутрь, не оглядываясь.

Йенс Бьерре смотрел прямо перед собой невидящим взглядом, вспоминая, и на долю секунды безрадостно улыбнулся.

Шефер подался вперёд:

– Не оглядываясь, вы говорите?

– Да, он... Не обернулся, когда подошёл к двери. Обычно он оборачивается. Иногда даже бежит обратно, чтобы ещё раз обняться со мной, но сегодня утром он просто вошёл в дверь... не... оглядываясь... – Йенс Бьерре делал между словами паузы, отрывисто дыша и стараясь справиться со слезами.

– И вы подумали, что что-то не так, раз он просто зашёл?

– Нет, – он покачал головой. – Сын был в хорошем настроении по дороге в школу, и то, что он не оглянулся, показалось мне почти что маленькой... победой. Это немного кольнуло меня – но ведь так всегда бывает, когда дети переходят на новый этап, – и в то же время я почувствовал гордость за него. Что он уже такой... большой. – Йенс Бьерре встретился взглядом с Шефером. – У вас есть дети?

Шефер отрицательно покачал головой, и у Йенса Бьерре опустились плечи.

Шефер уже сталкивался с этим. Родственники всегда искали понимания. Искали человека, который осознавал бы всю серьёзность ситуации. Им казалось, что бездетный следователь окажется менее усердным, менее вовлечённым в поиски их любимого малыша. Что он не сможет понять, насколько велики их страх и фрустрация.

Возможно, они правы в последнем предположении, подумал Шефер. Но не в первом.

– Иногда хочется, чтобы время остановилось, – сказал Йенс Бьерре. Он, казалось, перестал замечать Шефера. – Чтобы дети всегда оставались маленькими. Но они должны учиться жить самостоятельно, поэтому их нужно отпускать. Совсем чуть-чуть, только чтобы они сумели научиться... – Йенс Бьерре замолчал. Им, казалось, владела только одна мысль, он видел только самый ужасный сценарий развития событий. Он зажмурился и всхлипнул. – Господи... Где же он?

– Что вы делали потом? – спросил Шефер. – Когда Лукас зашёл в школу?

Йенс Бьерре сделал глубокий вдох и вытер нос салфеткой, которую сжимал в руках. Салфетка была измятой и совсем размокла.

– Пошёл на работу.

– Пешком?

– Да.

– Вы встретили кого-нибудь по дороге? Кто мог бы подтвердить ваш рассказ?

– Подтвердить мой рассказ? – Он поднял глаза. Затем крепко зажмурился в отчаянии.

Шефер встретил его молчаливый протест разведёнными в стороны руками и пожал плечами, чтобы снизить пафос ситуации.

– Послушайте, моя задача – найти Лукаса. И быстрее всего я смогу это сделать, поняв, какие улицы исключить из поисков. Понимаете?

Шарик снова сдулся. Йенс Бьерре склонил голову и кивнул, уставившись в стол.

– Хорошо. Я не имею ничего лично против вас. Нам просто нужно знать как можно больше подробностей о вашей с Лукасом утренней дороге в школу.

Йенс Бьерре снова кивнул и ребром ладони вытер слезу.

– Просто помогите нам, – сказал он.

– Именно этим мы и занимаемся. Так что вернёмся к делу: вы с кем-нибудь разговаривали, отведя Лукаса в школу?

– Я... – он углубился в воспоминания, – я перекинулся парой слов с мамой Токе.

– Кто это?

– Одноклассник Лукаса.

– Вы говорили с его матерью?

Он кивнул.

– Мне кажется, её зовут Мона. Или Роза. Что-то в этом духе.

– Вы встретили её во дворе школы?

– Нет, возле велостоянки. На перекрёстке. Она там курила с кем-то. Она спросила, придёт ли Лукас на день рождения на будущей неделе... И что-то ещё, не помню. Я не особенно внимательно её слушал.

– А с кем она была?

– Не знаю. С чьими-то отцами, наверное. Но не с родителями одноклассников Лукаса. Один из них был одет очень стильно, с платочком в нагрудном кармане и в остроносых ботинках. Я вижу его иногда возле школы по утрам, но не знаю, как его зовут.

Шефер поднял взгляд от своего блокнота:

– А затем?

Йенс Бьерре пожал плечами:

– А затем я пошёл на работу.

– Вы врач, насколько я помню?

– Да.

– В клинике или у вас частная практика?

– Я работаю вместе с другим врачом. Его зовут Пелле Лаурсен.

– Где находится ваша клиника?

– На улице Амалиегаде. Недалеко от дворца.

– Понял. Вы отправились напрямиком на работу?

Йенс Бьерре снова кивнул.

– Один?

– Нет, ко мне присоединился знакомый. Его зовут Мадс Флоренц.

Шефер записал имя в лежавший перед ним блокнот.

– Кто он?

– Он консультант и работает в том же здании, где находится наша приёмная. Его дочка пошла в первый класс в нашей школе, ну и пару раз мы играли с ним в сквош. – Йенс Бьерре сжал руками виски. – По утрам мы иногда идём на работу вместе, когда случайно встречаемся на перекрёстке.

– Во сколько вы сегодня утром приехали в клинику?

– Примерно в восемь – восемь пятнадцать. Около того.

– Когда вы приехали, там никого не было?

– Была Мария, мой секретарь.

– Фамилия?

– Каммергорд.

Шефер записал и это имя.

– Как проходил ваш день? Пациенты приходили без перерывов?

Йенс Бьерре утвердительно кивнул:

– Первый пациент пришел в полдевятого, и с тех пор поток не прекращался вплоть до звонка из школы.

– Как вы узнали, что Лукас пропал? – спросил Шефер.

– Мне позвонили из школы.

– С вами был кто-то, когда вам позвонили?

– Пациентка.

– Элоиза Кальдан?

Йенс Бьерре нахмурился:

– Откуда вы знаете?.. Я... я обязан сохранять врачебную тайну. Я...

– Ладно. Хорошо, – Шефер сменил тему, – у вас или вашей жены нет конфликтов с кем-нибудь?

– Подождите... Почему вы спросили меня о пациентке? Полиция считает, что она имеет отношение к исчезновению Лукаса? – Йенс Бьерре вытянулся в струну. – Эта журналистка?

– Нет.

– Но как вы можете быть уверены? Она... она пришла сегодня на аборт, а когда я вернулся в кабинет после звонка из школы, её уже не было!

Эту информацию Шефер фиксировать не стал.

– Кальдан вне подозрений. – Шефер ухмыльнулся. – А вот нет ли у вас или вашей жены недоброжелателей? Может, люди, которым вы задолжали денег?

Йенс Бьерре снова откинулся назад на крошечном стуле. Покачал головой.

– Соседи, которые на вас жалуются? Что-нибудь такое?

– Под нами живёт пожилая женщина, которая ворчит по любому поводу. Её зовут Ева. Но ей восемьдесят с чем-то лет, она безобидная.

– Вы живете в районе Нюхавн?

Он кивнул:

– На улице Хайбергсгаде. На другой стороне канала. За Шарлоттенборгом.

– А у Лукаса не было каких-нибудь проблем в школе? Может быть, есть учителя, которых он побаивается или не слушается?

– Нет. Нет, такого не было. – Он убеждённо покачал головой. – Конечно, кто-то симпатичен ему больше других, но в целом ему здесь нравятся все взрослые, особенно Кевин.

– А за ним вы не замечали ничего странного?

– В каком смысле?

Шефер пожал плечами:

– Я, знаете, человек старой школы. В моё время учителя ходили в тупоносых ботинках и кардиганах, а этот Кевин, например... Я заметил, что он делает макияж.

Йенс Бьерре пожал плечами.

– Ну да?

Шефер смотрел на него несколько секунд, но дальнейшей реакции не последовало.

– Ладно. – Он вычеркнул что-то из блокнота. – Значит, никаких проблем с учителями. – Он поднял глаза и уловил что-то во взгляде Йенса Бьерре. – О чём вы думаете?

– О Патрике.

– Это ролевик? – Шефер ткнул пальцем в сторону школьного двора. – А что с ним не так?

Йенс Бьерре покачал головой:

– Да нет, ничего.

– Однако? – рука Шефера описала в воздухе дугу, приглашая развить мысль.

– Они с Лукасом дерутся. Фехтуют. Лукас иногда возвращается домой со ссадинами после поединков и... – Йенс Бьерре приложил руки к глазам, но тут же отнял их. – Нет, я не знаю, я просто пытаюсь найти хоть что-нибудь... Лукас обожает Патрика, но я его не очень хорошо знаю, а вы спрашиваете, так что...

– Мы с ним поговорим, – кивнул Шефер. – У Лукаса были с кем-то разногласия? Может быть, конфликты с другими детьми?

– Нет, Лукас не из тех, кто плохо себя ведёт в школе. Важно, чтобы вы поняли, что Лукас... необычный ребёнок. – Йенс Бьерре подался вперёд, ближе к Шеферу. – Он невероятно одарённый. Я понимаю, что все родители говорят так о своих детях, но Лукас действительно особенный. По программе он намного, намного обгоняет одноклассников. Может быть, социальные навыки у него и хромают, но он совершенно не хулиган. Когда другие дети шалят, он старается держаться подальше. Токе – вот кто в классе проблемный ребёнок.

– Токе? А как это?

– Он совершенно неуправляемый. Ведёт себя агрессивно по отношению к другим детям и даже к учителям. Лукас его недолюбливает и сознательно держится от него на расстоянии. Так повелось ещё с подготовительного класса.

– Есть ещё кто-нибудь, кого Лукас недолюбливает?

Йенс Бьерре покачал головой:

– Во всяком случае, он никогда этого не показывал, и я думаю, мы бы заметили, случись что-то подобное.

– А вне школы? С кем он мог бы познакомиться самостоятельно в вашем районе?

– По вторникам и четвергам он возвращается из школы один, потому что жена работает допоздна. Но он никогда не говорил ничего... – Йенс Бьерре умолк и пару раз моргнул. Потом широко раскрыл глаза.

– Что такое? – встрепнулся Шефер.

– Однажды Фия упомянула мужчину, о котором ей рассказывал Лукас.

– Фия?

– Анна София. Моя жена.

– Что за мужчина?

– Она сказала что-то о человеке, который раздавал мальчикам фрукты. Он протягивал фрукты через ограду детской площадки... Яблочник! – Йенс Бьерре выпрямился на стуле. – Фия сказала, Лукас назвал его «Яблочник»!

– Яблочник, – повторил Шефер, записывая это в блокнот. – И где, говорите, Лукас встретил этого... яблочника?

Фрукты блестели в подрагивающем свете неоновых ламп, и казалось, будто их опустили в превосходную прозрачайшую глазурь. Кожура яблока, которое Финн

поместил на самую верхушку яблочной пирамиды, была безупречна. Ни единого чёрного пятнышка или бороздки на упругой салатово-зелёной оболочке, скрывавшей сочную мякоть.

Он отступил на шаг назад, чтобы оглядеть своё творение. Работы оставалось немного. Большая часть сегодняшних коробок опустела. Лимоны, авокадо, киви, а теперь и яблоки были выстроены идеальными пирамидками, как ряды группы поддержки на спортивном матче. Балансируя на плечах друг у друга, они жадно тянулись к стационарным увлажнителям, которые два раза в минуту обдавали их освежающим дождём.

Это было идеально. Просто идеально.

Дверь в «Фётекс Фуд» на Эспланаден приоткрылась, и Финн ощутил детское присутствие в помещении ещё до того, как обернулся.

Он повернул голову и просканировал ребёнка глазами.

Это был маленький мальчик с огромными светло-голубыми глазами и тёмно-каштановыми волосами, видневшимися из-под шапки с помпоном и логотипом «Angry Birds». Из рукавов пуховика свисали варежки на длинных шнурках, один длиннее другого, которые почти волочились по затоптанному каменному полу.

Зрелище заставило Финна улыбнуться.

Паренёк направился прямо к прилавку с молочными продуктами и встал на цыпочки перед полкой с питьевым йогуртом. Он схватил йогурт с малиновым вкусом и пошёл дальше. Шапка у него на голове сползала всё дальше к затылку.

Финн потянулся за яблоком на верхушке пирамиды с намерением догнать мальчика, когда за его спиной раздался резкий голос:

– Финн?

Он в ужасе обернулся.

Прямо у него за спиной стояла его коллега Аня с огромными ресницами. По понедельникам она работала на кассе. Ресницы у неё были накладные, что сразу бросалось в глаза, и вдобавок не очень аккуратно приклеенные. Порой на её щеках собирался целый ворох длинных толстых акриловых щетинок, которые незаметно выпадали. Они ложились на её жирный тональный крем и создавали такое впечатление, будто по полному лицу сбегали вниз маленькие чёрные следы. Маршрут их побега достигал мужеподобного подбородка с ямочкой.

Финн считал Аню отвратительной. Отталкивающей. Ей всегда казалось, что она должна решать всё за всех.

Он нехотя встретил её взгляд.

– Да?

– Если ты сейчас пойдёшь на перерыв, то Малик успеет выйти покурить за тобой.

Финн отвернулся от неё и посмотрел на ребёнка, видневшегося совсем далеко.

– Да, но я собирался только...

– Нет, Финн, иди СЕЙЧАС. Ты – на перерыв. Я освобожусь в пять и уйду. – Она постучала острым накрашенным ногтем по стеклу дешёвых наручных часов. – Так что иди СЕЙЧАС.

Финн в нерешительности сжимал яблоко в руке.

– Алло? Ты ждёшь чего-то? – Она оглядела его с головы до ног.

– Ничего. Я... – Он видел, как помпон на шапке мальчика мелькает в хлебном отделе. – Мне нужно ещё разобрать коробку с манго, так что если мне сейчас нужно...

– Нет! – Она вырвала у него яблоко и водрузила его обратно на вершину пирамиды, так резко, что фрукты из нижнего ряда разъехали и испортили идеальную картину. – Это ты уже потом в порядок приведёшь. Давай, пошли!

– Прошу прощения...

Пожилой мужчина в пальто из верблюжьей шерсти и твидовой клетчатой кепке вежливым движением руки попросил разрешения пройти по узкому проходу.

Реснитчатая продавщица отступила на шаг назад и профессионально улыбнулась. Потом вновь посмотрела на Финна и, щёлкнув пальцами, ткнула в комнату для персонала. Затем направилась к кассам.

– Извините, не подскажете, где здесь пакеты? – вновь подал голос старик в кепке.

Не глядя, Финн указал на стойки с пакетами возле баклажанов. Он пытался отыскать взглядом мальчика, но того было не видно. Должно быть, он ушёл.

Финн ощутил разочарование, как будто ему нанесли мощный удар в расслабленный живот.

– Ах, да вот же они, – кивнул мужчина.

Он оторвал пакет от рулона и разок встряхнул, чтобы тот раскрылся. Затем протянул костлявую руку и взял то самое идеальное яблоко с верхушки пирамиды.

10

Объявление раз за разом крутилось на канале «ТВ2 Новости» с пятиминутными интервалами. Молодая ведущая напускала на себя обеспокоенный вид, пока её старший коллега рассказывал зрителям:

«Полицией Копенгагена объявлен в розыск десятилетний Лукас Бьерре. Мальчик пропал сегодня из школы Нюхольм, и полиция просит людей, которые имеют сведения о местонахождении мальчика, помочь в поисках».

Фото Лукаса Бьерре было развёрнуто на весь экран, а голос телеведущей вещал с мрачным авторитетом:

«Согласно сведениям полиции, Лукас Бьерре имеет рост ниже среднего для своего возраста, около 138 сантиметров, голубые глаза, светлые волосы. Последний раз его видели в восемь утра в школе Нюхольм. Он был одет в тёмно-синий пуховик и чёрные брюки. С собой имел оранжевый рюкзак».

На экране появились компьютерные эскизы пуховика и рюкзака.

«Дутая куртка, на спине нашивка с изображением канадского поп-певца Джастина Бибера. Оранжевый школьный рюкзак «Lego Ninjago» с отражателем фирмы «Stormtrooper», который вы сейчас видите на своём экране».

Телеведущий серьёзно кивнул, поддерживая коллегу.

«Полиция просит всех, кто видел Лукаса Бьерре в течение дня, и тех, кто располагает другими сведениями о нём, связаться с полицией Копенгагена по телефону 114».

Между словами «сто» и «четырнадцать» он сделал небольшую паузу, показывая, что объявление заканчивается. Ведущие стёрли с лиц грустные выражения и продолжили эфир.

«А теперь время прогноза погоды. Микаэль Шолль, как ты думаешь, сможем ли мы в ближайшее время насладиться хорошей погодой?»

«Нет, Пауль, к сожалению, пока её ничто не предвещает. Зато у меня хорошие новости для любителей лыжных гонок». Ба-да-бинг! «В ближайшие пару дней температура опустится до семи градусов ниже нуля, и нас ожидает обильный снегопад».

– Скажи-ка, на кого он похож, этот ведущий? – спросила Элоиза и сонно поднялась с дивана, когда в комнату вошла Герда.

Герда пристально посмотрела на экран, склонив голову набок.

– На помесь Клауса Мейера[13 - Клаус Мейер – знаменитый датский шеф-повар, ведущий кулинарных программ.] и... Человека в жёлтой шляпе[14 - Человек в жёлтой шляпе – добрый и отзывчивый друг обезьянки Любопытного Джорджа (в Дании – Любопытного Нильса) из американского мультфильма «Любопытный Джордж».]? – сказала она и с размаху села на мягкие диванные подушки.

Элоиза улыбнулась.

Она пошла на кухню и вытащила из холодильника бутылку шардоне. Она не спросила разрешения, да это было и не нужно. Герда была для неё семьёй. Не по крови, разумеется, но по всем ключевым критериям. Она взяла два бокала из шкафа над раковиной. Затем вернулась в гостиную и забралась к Герде под мягкий плед. Та внимательно слушала объявление, которое снова передавали по новостному каналу.

– Блин, как же это ужасно, – Герда прижала руки к щекам и покачала головой, – нам бы стоило сейчас остаться на улице и продолжать поиски. Как-то неправильно сидеть сложа руки!

Многие родители, бывшие на месте, когда приехала полиция, сразу же принялись за поиски мальчика в школе и в округе. Все начали по цепочке обзванивать знакомых, а группам добровольцев выделили по улице. Те сразу же принялись активно их прочёсывать, как делают добровольцы Красного Креста, когда собирают пожертвования в коробочки для мелочи.

Элоиза, Лулу и Герда искали на улице Бредгаде, в ресторанах и в забегаловках Нюхавна. Никто из тех, кого они там встретили, мальчика не видел. В конце концов у Лулу от холода посинели губы, и они решили пойти домой. Но масса добровольцев по-прежнему прочёсывали город, а синие огни полицейских машин уже пятый час беззвучно мигали по всему кварталу.

Элоиза налила в бокалы вина и протянула один Герде. Герда взяла его, не отводя глаз от экрана, и Элоиза какое-то время разглядывала подругу. Она вдруг осознала, что Герда похудела. Ключицы в вырезе чёрной футболки обозначились острее обычного, а руки будто истончились. На них проступили жилки.

– Скажи, ты сейчас совсем ничего не ешь? – спросила Элоиза.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты похудела.

– Считаешь? – Герда посмотрела на свои руки. Потом пожала плечами. – Может, немного. Это потому, что Кристиан сейчас всё время в разъездах. Из-за этого вся еда у нас простая, такая, какую любит Лулу, а когда три дня подряд у нас на обед спагетти болоньезе, я просто теряю аппетит.

– А где он на этот раз?

– В Денвере.

– В Денвере? – Элоиза нахмурилась. – Это там люди ходят в ковбойских шляпах и кожаных штанах?

– Нет, это в Далласе, в штате Техас. А Денвер находится в Колорадо.

Элоиза привыкла слушать о поездках Кристиана, и почти всегда речь шла о небольшом ряде городов: Гонконг, Нью-Йорк, Шанхай, Париж... Столицы моды. О Денвере она слышала первый раз. По крайней мере, в связи с работой Кристиана.

– Компания открыла там магазин, и теперь в список добавился Денвер. Как будто нам без него было мало. – Герда сонно посмотрела на Элоизу. – А как там Мартин, где он сегодня?

– В Брюггене[15 - Знаменитая набережная в норвежском городе Берген.]. Почти такая же экзотика, как Денвер.

– Он сегодня ночует у тебя?

– Нет, я сегодня не особенно в силах. – Элоиза поднялась и выглянула в окно. На другой стороне улицы Ольферта Фишера, на один этаж выше квартиры Герды, виднелись окно её собственной гостиной и её балкон. Зелёный тент отцепился с одной стороны и развевался на ветру, и каждый раз, когда он задевал железные

прутья решётки, слышался грохот. Этот звук будил её последние пару ночей уже несколько раз, и каждый день перед сном она напоминала себе, что нужно заняться починкой.

Она вспомнила о таблетке и задумалась, когда лучше её принять. Врач сказал, что этому нужно будет посвятить целый день, но он также упомянул, что времени у нее полно. Во всяком случае, пара недель точно, до того, как наступит критический момент. Может, ей стоило отложить статью о ПТСР и взять на следующей неделе выходной?

– На что у тебя больше сил нет? На Мартина? – спросила Герда.

Элоиза отвлеклась от своих мыслей. Она присела на подоконник и потёрла глаза, испачкав чёрной тушью кончики пальцев.

– У-гу, – кивнула она.

Герда сдвинула брови:

– Почему? У вас что-то не так?

– Всё так, но... Он заводит разговоры о будущем, – Элоиза выделила слово в воздухе указательными пальцами.

– И что же?

– О будущем, – повторила она, как будто это слово само по себе делало дальнейшее обсуждение бессмысленным. – Думаю, он вообразил, что я из тех людей, с которыми можно заводить семью.

– И это проблема?

– О да. Это проблема! Единственная семья, членом которой я хочу являться, это твоя. Ты, Кристиан и Лулу – это имеет смысл. А всё остальное, – она покачала головой, – Not so much[16 - Не очень (англ.)].

На прошлой неделе Мартин Дюваль, с которым Элоиза встречалась последние полтора года, снял для них летний домик в Рёрвиге. Вплоть до этого момента она полагала, что он понимает, с кем имеет дело, и принимает её такой, какая она есть.

Сломленной.

И поэтому иной.

Но в Рёрвиге он использовал любую возможность настроить воздушных замков и забрасывал удочки касательно планов на будущее.

Именно в таком месте и хочется состариться, правда? У моря. Здесь можно будет наслаждаться старостью. Учить внуков запускать воздушных змеев. Готовить рыбу на гриле на пляже. И прочее в таком духе.

Элоиза рассматривала его в молчаливом ужасе. Парализованная мыслью о какой бы то ни было будущей старости, которая Мартину к тому же виделась набором идиллических кадров из немецкой рекламы шоколада.

Что скажешь, Эло? Мы с тобой – старенькие, седенькие... Здесь.

Он сделал глубокий вдох, глотнул свежего, морозного запаха влажного мха, хвойного леса и моря. Потом посмотрел на неё сквозь запотевшие стёкла очков и рассмеялся.

Я счастлив с тобой, ты знаешь об этом?

Элоиза с ни к чему не обязывающей улыбкой отделялась от всех вопросов и маневрировала с хореографическим изяществом; соврала о звонке с работы, на который было необходимо срочно ответить, и вышла одна из дома, к деревьям. Она долго бродила по лесу, и ей куда легче было представить себя одиноко

живущей в одном из старых покосившихся домиков, видневшихся в чаще, чем частью полноценной семьи в построенном архитектором летнем доме на первой линии.

Счастье?

То, что Мартин называл счастьем, казалось Элоизе ничем иным, как фантомом. Электрическими разрядами, которые при определённых обстоятельствах могли без предупреждения проходить сквозь тело и давать ощущение комфорта. Предательские импульсы в мозгу, целью которых было притупить то чувство бессмысленности, на котором зиждилась вся её жизнь.

– Мааам?

Лулу уже восьмой раз подавала голос из детской в другом конце квартиры с тех пор, как её уложили. Герда до умопомрачения ходила туда-обратно, приносила водички, поправляла подушку, пока окончательно не свалилась с ног от усталости. Она откинула голову назад, на спинку дивана, и, стараясь сохранять спокойствие в голосе, ответила:

– Дааа?

– Мне кажется, я что-то услышала, – позвала Лулу. – Можешь, пожалуйста, ещё раз проверить заднюю дверь?

– Всё заперто на все замки, солнышко. Здесь только мы с Элоизой, а тебе пора спать.

– Ты уверена?

– Абсолютно.

– И снаружи никого, кто может сюда войти?

– И снаружи никого, кто может сюда войти!

– Ладно... Спокойной ночи!

– Спокойной ночи, милая!

Герда устало посмотрела на Элоизу. Она закатила глаза и изобразила, что душит себя. Затем подняла винный бокал и чокнулась с Элоизой.

Элоиза поймала себя на том, что сделала два глотка прежде, чем отняла бокал от губ. Долю секунды она думала, стоит ли ей вообще пить алкоголь, и решила подлить ещё.

– Спокойной ночииии! – снова крикнула Лулу.

– Спокойной ночи, Лулу! Хватит уже, должен же быть какой-то покой! – Герда посмотрела на Элоизу и прошептала: – My god[17 - Боже мой (англ.)], ну что ты будешь делать... Спи уже, ребёнок!

– Неудивительно, что она не может уснуть после всего, что сегодня случилось.

– Она не из-за этого, – покачала головой Герда, – во всяком случае, не только из-за этого. Это длится уже не первую неделю. Не знаю, с чего это. Она внезапно начала всего бояться.

– Они с Лукасом дружат?

– Нет, он же немного постарше, хотя он из их дружественного класса.

– Что это значит?

– Когда дети поступают в подготовительный класс, их ставят в пару с классом на пару лет старше, чтобы самые младшие ученики познакомились с более взрослыми. Таким образом, у них есть к кому обратиться за помощью в стенах школы. Это неплохая придумка, у класса Лулу раз в месяц были общие уроки с третьим классом эти полтора года. Но не думаю, что Лукас Бьерре произвел на неё сильное впечатление. Сейчас она больше увлечена мальчиком из пятого, его зовут Тристан, и он играет в баскетбол.

– Значит, ты не о Лукасе рассказывала мне недавно? О мальчике, который вел себя агрессивно и сорвал урок?

– Нет, это был Токе, он из того же класса. Каждый раз он устраивает цирк, а руководство твердит, что ничего не может сделать. Сейчас в классе поставили перегородку, которая отделяет его от других учеников, чтобы он их не видел. Это же абсурд!

Элоиза приподняла одну бровь:

– Перегородку? Как это?

– Самую, блин, настоящую перегородку! Старомодную такую ширму, за которыми раньше передевались. Идея, видимо, в том, чтобы во время уроков в классе был порядок, однако, как только наступает перемена, он начинает бить других детей, сталкивает их с лестницы, толкается. – Герда покачала головой. – Добро пожаловать в школу двадцать первого века, где во главе угла – решение конфликтов и инклюзивное образование.

– Но от ширмы же нет толку.

– Да неужели.

– Ни для этого Токе, ни для остальных детей.

– Снова в точку.

– Он серьёзно сталкивает детей с лестницы?

Герда кивнула и потянулась за бутылкой.

– В прошлом году он пытался задушить Лулу.

– Не может быть!

– Да, это маленький мерзавец, но всё дело в его вечно отсутствующих родителях. Они попросту его испортили. Лукас, напротив... – Герда указала на телевизор и вздохнула. – Он всегда такой милый, как ни встретишь его. И вежливый. В этом возрасте редкие дети бывают вежливыми. Как же это ужасно, Йенс и Фия, наверно, умирают от страха.

Элоиза кивнула и задумалась, каково это. Предельная концентрация страха и беспомощности. Хуже не придумаешь.

Герда наблюдала за ней краем глаза:

– Мне показалось, ты сказала своему другу из полиции, что была сегодня у Йенса?

Элоиза подняла глаза:

– Что, прости?

– Ты сегодня была у врача?

Элоиза кивнула.

– По какому поводу?

Элоиза пожала плечами:

– Да ничего особенного. Мне просто не по себе последнее время. Такой дискомфорт в груди, я подумала, может, это стресс и что-то такое.

– Стресс?

– Ну ты знаешь... Работа, смерть папы и прочее... Может быть, я переработала и теперь это выражается в стрессе.

– Но ты могла бы поговорить об этом со мной.

– Да, могла, конечно... – Элоиза обезоруживающе улыбнулась. Она не привыкла врать Герде, и слова, которые она произносила, отдавали горечью. – В общем, Йенс Бьерре предложил сдать анализы на обмен веществ. Сказал, что причиной беспокойства может быть плохой метаболизм.

– Хм... – сказала Герда, испытующе глядя на Элоизу. – И что, получилось?

– Что?

– Проверить обмен веществ?

– Нет, позвонили из школы и... – Элоиза показала на экран, – мне пришлось уехать...

Герда вновь посмотрела в телевизор и вздохнула.

– Они же обязательно скоро найдут его?! Больше ужасов я сегодня уже не вынесу. По идее всё подобное заканчивается, когда я выхожу из казарм. Обычно школа – это место, где жизнь имеет смысл, а сейчас...

Она откинула назад голову и закрыла глаза.

– Выдался тяжёлый день на работе?

– Угу.

– Я пару раз пыталась тебе дозвониться.

Герда открыла глаза и поднялась.

– Да, я видела, но была просто жутко занята.

– В казармах?

Герда запустила руку в свои длинные тёмные волосы.

– Нет, большую часть дня я провела в Национальной больнице.

– Да? – Элоиза склонилась вперёд, сидя на подоконнике. – Почему?

– Один из моих пациентов сейчас лежит там. В отвратительном состоянии.

– А что с ним?

– Он долгое время борется с ПТСР, но его снова и снова посылают на задания. Он вернулся со спецоперации вчера вечером и уснул на диване у себя в гостиной поздно вечером.

Герда прислонилась к дверному косяку и засунула руки в карманы потёртых джинсов.

– А потом получилось так, что он проснулся посреди ночи, не понимая в темноте, где он и который сейчас час, и увидел красную лампочку на телевизоре. Инстинкт сработал быстрее мысли – он решил, что это прицел снайперской винтовки и он на мушке.

Элоиза подняла брови:

– Огооо...

– Так часто бывает с военными, – кивнула Герда, – они всегда начеку и готовы к бою. Поэтому наш солдат видит нечто знакомое и делает выводы на уровне рефлексов. Но проблема в том, что если идти на поводу у рефлексов, дважды два не всегда даёт четыре. Не успев даже собраться с мыслями, что к чему, он берёт ноги в руки и бросается в окно.

Элоиза в ужасе закрыла рот рукой.

– Пожалуйста, скажи, что он живёт на первом этаже!

– На четвёртом.

– Боже милостивый!

– Да, – кивнула Герда, – к счастью, он приземлился на траву, но у него перелом обеих бедренных костей и глубокое рассечение на правой подмышке от оконного стекла. И это человек, который принимал участие в военных действиях я не знаю сколько раз. В него стреляли, он стрелял. Он видел, как нескольких его товарищей разорвало на кусочки, но самого его максимум чиркнуло слегка по голове. Да он офигительно крепкий орешек! И вот однажды он так испугался собственного телевизора, что выпрыгнул с четвёртого этажа. Телевизора! Говорю тебе, этот ПТСР – та ещё дрянь!

– Именно поэтому я и собираюсь написать о нём, – кивнула Элоиза. – О военных травмах. Запоздалых реакциях. Как ты считаешь, он захочет поучаствовать в написании статьи?

Губы Герды тронула улыбка.

– И рассказать о своём пируэте из окна? Едва ли.

– А ты? Поучаствуешь?

– Ты же прекрасно знаешь, что я не имею права рассказывать об этих вещах на публику.

– Да, но ты можешь рассказать о ПТСР в целом как эксперт.

Герда пожала плечами в знак согласия.

– Мне кажется, что некоторые другие мои пациенты, возможно, захотят с тобой поговорить. Или их родственники. Это такая зараза, что затрагивает всю семью.

– Ты не против, если я загляну на днях в казармы?

Герда зевнула и взглянула на наручные часы. Потом кивнула:

– Само собой. Заходи. А сейчас мне уже срочно надо лечь спать, устала до смерти. Ты домой или ляжешь здесь на диване?

– Я пойду. – Элоиза поднялась и направила пульт в телевизор, чтобы выключить его.

– Подожди! – остановила её Герда. – Смотри!

Элоиза прочла ярко-жёлтую бегущую строку, которая мелькала в нижней части экрана:

«СРОЧНЫЕ ИЗВЕСТИЯ:

Новости об исчезновении Лукаса Бьерре. Улица Кронпринсессегеде оцеплена».

11

Крышка была приоткрыта, поэтому контейнер напоминал толстого маленького человечка, который начал было зевать и вдруг передумал.

Шефер наклонился к краю контейнера и посветил фонариком в кучу мусор. Сладковатая вонь от бытовых отходов ударила в лицо, и как будто кто-то дал ему коленкой под дых, а перед глазами всё поплыло, как после длительного перелёта.

– Это здесь лежало? – спросил он коллегу, который заявил о находке в одном из переулков улицы Кронпринсессегеде.

– Да. Собаки обнаружили, когда мы вышли с Остре Анлег часов в семь и спустились к улице Ригенсгаде, – полицейский указал в сторону дороги, параллельной улице Кронпринсессегеде. – Быстро нашли.

– Вы всё прошерстили? Все мусорные баки?

Мужчина кивнул:

– Остался только мусор. Команда из НКЦ сейчас будет открывать пакет.

Шефер перевёл взгляд на сотрудников Национального экспертно-криминалистического центра, стоявших возле полицейского автомобиля, припаркованного на въезде в переулок. Багажник был открыт, а его дно застелено толстым белым брезентом. На брезенте под прицелом прожекторов лежал чёрный мусорный пакет.

Шефер отошёл от контейнеров и направился к синим маячкам. Он миновал промёрзшие клумбы вдоль дома престарелых «Нюбодергорден», фасад которого выходил в переулок. Сквозь окна, завешанные тюлевыми занавесками, он видел освещённые приглушённым светом гостиные, с бархатной мебелью и вручную раскрашенными снимками в рамках, изображавшими мужчин в униформе и детей с приглаженными волосами. В каждой комнате сидели старики, от соседей их отделяли гипсовые, оклеенные обоями стены. Шефер представил себе тишину внутри. Он хорошо помнил последние годы жизни матери в похожих катакомбах цвета никотина и упадка. Тишину, которую нарушало лишь одинокое тиканье настенных часов и спорадические хриплые стоны в разных концах здания.

Звук оттянутой смерти.

Взгляд Шефера упал на маленькую сгорбленную женщину, которая сидела в кресле в одной из комнат. Молочно-белые кудри лежали в беспорядке, а нижняя челюсть как будто покоилась на её огромной груди. Проходя мимо окна, он заметил, что женщина смотрела в пространство невидящим взглядом. Погрузившись в собственные мысли, окаменев, не видя ничего, кроме вонючих мусорных контейнеров.

Шефер снова подумал об острове Сент-Люсия и о своей жизни на пенсии, которую он планировал провести там, и ускорил шаг.

– Что у вас? – спросил он, подойдя к сотрудникам НКЦ.

Все столпились вокруг мешка. Лежавший перед ними пакет был весь в дырах от крысиных зубов и скальпеля, которым его только что надрезали.

– Мы как раз собрались его исследовать, – сказала одна из экспертов-криминалистов и запустила руку в латексной перчатке в мешок. Когда она снова приблизила руку к себе, свет прожекторов осветил что-то, похожее на кровь.

Шефер инстинктивно напряг мускулы живота, чтобы подготовиться к удару в живот, который он непременно ощутил бы, если бы дальше они извлекли из пакета часть тела мальчика.

Мёртвые дети – это всегда ужасно. Убитые – ещё ужаснее.

Криминалист разрезала пакет чуть больше и аккуратно вытянула из него липкий светло-серый комок.

Шефер крепко зажмурился.

– И что это? – спросил он. Пульс стучал в ушах.

– Какая-то ткань, – сказала эксперт-криминалист. Она расправила комок. Он уже слежался, и сделать это было непросто. – Толстовка. На взрослого. Грязная, это что-то клейкое, возможно, просочилось через дырки в мешке. Но смотрите – здесь красное пятно. Я не могу сказать наверняка, пока её не исследуют, но похоже на кровь.

– Это и есть кровь, – сказал Шефер с уверенностью. Сладковатый металлический запах ни с чем было не спутать. Наверное, он и привлёк собак.

– В нашем распоряжении есть образцы ДНК мальчика? – спросила эксперт-криминалист.

– Есть его зубная щётка и расчёска, – кивнул Шефер. – Внутри пакета находится ещё что-нибудь?

Женщина изучила пакет и покачала головой.

– Что ж, тогда увозите его. Вы же знаете дальнейшие процедуры. – Шефер исподлобья посмотрел на неё.

– Не первый день работаю! – улыбнулась она.

Но Шефер всё равно продолжал:

– Нужно проверить отпечатки пальцев и выяснить, что это за пакет: рулонный ли это пакет? Что там на толстовке, кроме крови? Волокна, волосы и всё такое. Необходимо провести тест ДНК, и побыстрее. Скажите в Центре судебной экспертизы, что нужно отложить все остальные дела и сконцентрироваться на этом, хорошо?

Она кивнула.

– Вот, – сказал Шефер, – давайте туда!

Он вернулся к своему автомобилю и сел за руль. Поворачивая ключ зажигания, он бросил последний взгляд на дом престарелых и увидел, что старушка поднялась с кресла. Она стояла у окна, маленькая и тщедушная, как керамическая статуэтка, и растерянно смотрела на него.

Шефер помахал ей рукой. Затем вырулил из переулка и взял курс на полицейский участок.

* * *

Шефер бросил кубик сахара в растворимый кофе и огляделся в поисках чего-нибудь, чем можно было бы его размешать. Ложек не было видно, поэтому он вытащил ручку из внутреннего кармана, поболтал ей в кофе пару раз и кинул на стол перед собой.

Он посмотрел на коллег, которые сидели за большим овальным переговорным столом. На тех, кто провёл на работе весь день. На тех, кто приехал только к ночи.

– Ну что ж, ребята, – он подался вперёд и облокотился о стол, – время восемь минут второго, и мы с вами на планёрке по поводу исчезновения Лукаса Бьерре. Что нам известно на данный момент? Августин?

Лиза Августин поднялась и подошла к большой доске, где висели фотоснимки, карты города, рисунок временной оси и выдержки опросов свидетелей. Она указала на район около Фредриксстаден и Остербро.

– Мы знаем, что разыскиваемого сегодня утром отвёл в школу отец. Они покинули квартиру на улице Хайбергсгаде примерно в семь двадцать пять утра и хотели поехать в школу на велосипедах, – она указала на точку, отмеченную на карте. – На заднем дворе дома, где обычно стоят их велосипеды, был найден обрывок цепи... Велосипеда не было.

– Связь? – спросил следователь Нильс Петер Бертельсен. Он сидел и сосредоточенно слушал, скрестив загорелые руки на груди. В отличие от Шефера, кожа Бертельсена приобретала бронзовый оттенок не от двухнедельного пребывания под жарким карибским солнцем. За исключением глубоких морщинок, расходящихся от глаз, подобно лучикам солнца на детском рисунке, загар после солярия покрывал Бертельсена с головы до ног круглый год, и Шефер не упускал возможности поддеть его по этому поводу.

– По словам членов семьи, это уже третий украденный велосипед, так что между исчезновением мальчика и этой кражей мы пока не усматриваем связи, – сказала Августин. – Из-за пропажи разыскиваемый с отцом отправились в школу пешком. Йенс Бьерре не на сто процентов уверен в точном времени выхода из дома, но сказал, что сотрудники школы всё ещё регулировали движение автомобилей около пешеходного перехода перед школой, когда они проходили мимо. Поэтому мы знаем, что они подошли к воротам школы не позже семи пятидесяти. – Лиза Августин нарисовала маркером красный крест на карте. – У нас есть свидетель, который видел мальчика во дворе, но в школе его уже не видели.

– Что это за свидетель? – спросил Бертельсен.

– Военный психолог Герда Бендикс. Она – до тех пор, пока мы, как я надеюсь, не услышим что-нибудь новое от поисковой команды, – последняя, кто видел Лукаса Бьерре живым.

– Во сколько это было?

– Она видела, как мальчик заходил на школьный двор, когда выходила оттуда, отведя в школу дочь. Было начало девятого. А дальше ничего. Ни сотрудники

отеля, находящегося позади школы, ни киоскеры, ни продавцы магазинов на станции Остерпорт не припоминают, чтобы видели мальчика в течение дня.

– А родители? Они вне подозрения?

– Они весь день были на работе. У обоих алиби.

– А военная? Она тоже вне подозрений?

– Она не военнотружущая, она военный психолог – и да, тоже вне подозрения. Все вовлечённые стороны были проверены с головы до пят.

– Совершались ли в этом районе новые преступления на сексуальной почве или что-то в этом духе?

– Там есть только обычные уродцы – пара педофилов, состоящих на учёте, в районе Конгенс Хэве. Мы уже наведались к ним с рейдом. Ничего.

Шефер вступил в разговор:

– Мальчик рассказал родителям о мужчине, который пытался вступить в контакт с детьми с продлёнки, передавая им яблоки через забор со стороны улицы Остер Волдгаде. Он назвал его «Яблочник».

– Как в детской песенке?

Шефер кивнул:

– Да, так что упоминайте его в разговорах со всеми жителями района. Спрашивайте людей, знают ли они его. Может быть, другие дети тоже его упоминали. Кто-то должен знать, кто этот человек.

Он обернулся к Микаэлю Воссу, IT-координатору из Отдела компьютерных расследований.

– Что известно о мобильнике мальчика? Есть новости?

Восс покачал гладко выбритой головой.

– Мы его отследили, но он выключен. Последняя телефонная вышка, которая уловила сигнал, находится здесь... – Он подошёл к карте, на которой был изображён центр Копенгагена, и указал на район, похожий на сердце.

– Когда это было?

– В воскресенье, 17:54. Другими словами, задолго до его исчезновения.

– Что ещё?

– Мы сейчас просматриваем видеоматериалы с камер станции Остерпорт, возможно, сможем увидеть, как мальчик садится на поезд. Но записей с четырёх перронов просто безумное количество, это займёт всю ночь, а то и дольше.

– Как насчёт психологического портрета преступника? – спросил Бертельсен. – Он планируется?

– Да, – кивнул Шефер, – мы уже привлекли к делу Йоакима Кьяргорда.

– А Микала Фриис? Её мы можем подключить?

Шефер покачал головой:

– Мне кажется, что фрёкен Фриис в данный момент слишком занята спасением своей жизни в мире финансов, чтобы помогать нам. И под спасением жизни я, само собой, подразумеваю зарабатывание денег. Так что нам придётся довольствоваться тем, что придумает Кьяргорд.

Шефер ухватился за край стола для переговоров, когда на него накатила дурнота, всё ещё периодически появлявшаяся после длительного перелёта и повторившаяся уже несколько раз за вечер.

– All right[18 - Ну что ж (англ.)], – сказал он. – Бертельсен, ты заступаешь на ночное дежурство, и это, друзья мои, чистой воды эстафета. Если понадобится отдых, факел нужно передать дальше на время собственной передышки. На

улицах сейчас много наших, но им нужно оказывать всю возможную помощь, так что присоединяйтесь к ним. Мы должны найти мальчика!

Нильс Петер Бертельсен кивнул и просигнализировал напарнику, сидевшему на другом конце стола, что пора вставать.

Бертельсен был опытным следователем, они с Шефером познакомились еще в полицейской академии. В течение последних четырёх лет начальник полиции прикрепил к обоим молодых напарников. Шефер был вполне доволен тем, что ему в пару досталась Лиза Августин, тогда как Бертельсен волочил на себе молодца по имени Ларс Бро, который мог вывести из себя любого. Классический миллениал, выскочка, он ходил вразвалку и цитировал малобюджетные кинокартины на утренних планёрках. Шефер Бертельсену не завидовал, это уж точно.

– Встречаемся снова через шесть часов, – сказал он, поднимаясь.

* * *

Ночь была безлунной, и когда Шефер подрулил к своему домику из красного кирпича в Вальбю, тот не был освещён ничем, кроме лампы над входной дверью и слабого отблеска света с кухни.

Шефер тихо как мышь отпер дверь. Бросил папку с рабочими бумагами на стол на кухне и повесил куртку на спинку стула. Затем открыл холодильник и с благодарностью улыбнулся при виде полок, полных фруктов, овощей, стейков из мраморной говядины, снеди для бутербродов и банок с холодным пивом. Продукты были уложены плотно, как кубики в тетрисе.

Аллилуйя!

Он вытащил банку «Карлсберг Классик» из большой упаковки на шесть штук и потянул за колечко. Затем сел за стол и открыл папку. С первой страницы на него смотрел Лукас Бьерре.

Как мог паренёк так запросто исчезнуть с лица земли? Неужели его не видел ни один школьный учитель? Не засёк ни один радар?

Шефер ещё раз внимательно изучил историю. У отца алиби было железное, у матери, похоже, тоже. Но было что-то такое в этой Анне Софии Бьерре, что вызывало у Шефера странное ощущение.

Она преподавала в частной школе, и в то же время от неё совершенно точно пахло спиртным. Не так, как бывает, когда сходишь на рождественские посиделки и потом пахнешь перегаром. Это был едва уловимый, лакричный запах – так пахнет от тех, кто пьёт прямо из горла. Запах, который уловишь, только если рос с ним. А Шефер рос.

Он посмотрел на наручные часы и тяжело выдохнул. Два ноль восемь.

«Четыре часа», – подумал он. Спать оставалось слишком мало, но это было всё, на что он мог рассчитывать.

Он сделал несколько глотков пива. Затем поставил полупустую банку на столешницу, закрыл папку и направился в спальню.

Он улёгся на кровать, не раздеваясь, и прижался к тёплой Конни. Её кожа была мягкой и гладкой, угольно-чёрные очертания выделялись на белом постельном белье.

Шефер закрыл глаза, и кровать сразу же начала легонько покачиваться, как парусник на воде.

Мать его джетлаг.

Он сел на кровати, встряхнулся, поправил подушку, снова улёгся и попробовал заснуть.

Когда это произошло и в третий раз, Конни приоткрыла глаза.

– В чём дело, малыш?

– Ничего, – Шефер наклонился и поцеловал её, – спи.

Он сделал глубокий вдох и медленно выдохнул. Попытался сбросить с себя остававшиеся после путешествия ощущения, хотя знал, что это бессмысленно.

Четыре часа в гидросамолёте размером с тапочек. И двенадцать – в хвосте «Дримлайнера». Придётся ждать ещё несколько дней, прежде чем земля перестанет раскачиваться у Шефера под ногами.

Он закрыл глаза и заставил себя думать о пальмах и влажном воздухе тропиков, представлял себе бесконечные дни под жарким солнцем и песок под босыми ногами и всё глубже и глубже тонул в мягком матрасе. Но когда он наконец-то уснул, ему снилась только одно.

Лицо Лукаса Бьерре.

12

Ночью выпал снег.

Это была не та метель, о которой предупреждали метеорологи, но тем не менее, когда Кевин Шинджи проснулся около пяти утра, чтобы проверить, нет ли новостей по делу, весь Копенгаген уже был покрыт чудесным белым ватным одеялом. К половине восьмого автомобили уже успели превратить площадь Эспланаден в слякотный каток. На горках для катания на санках в Кастеллет виднелись травинки, но снег ещё лежал.

– Пойдём на улицу, Калаха? Поваляться в снегу?

Кевин посмотрел на карамельно-коричневого кокер-спаниеля, который подпрыгивал возле латунного крюка, на котором висел поводок. Он почесал собаку за ухом и запел:

– За окном уже сугрообы, снеговик нас ждёт давнооо!

Собака начала вилять хвостом и пританцовывать, так что коготки громко цокали по паркету в ёлочку.

– Пойдём! – Кевин похлопал себя по ляжкам. – Ну-ка, давай пошли!

Он защёлкнул карабин на ошейнике и оставил поводок лежать на полу, пока надевал куртку и шнуровал прорезиненные сапоги. Они были такие тяжёлые, что ноги приходилось поднимать с усилием. Затем он взял вишнёвую гигиеническую помаду из ящика комода и провёл по вытянутым в трубочку губам, продолжая мурлыкать мелодию из «Холодного сердца». Втянул щёки, выгнул подведённую карандашом бровь и оглядел себя в зеркало в прихожей.

– Как я выгляжу? – обратился он к сидевшему к нему спиной псу. Тот, не в силах дожидаться прогулки, пытался просунуть морду в дверную щель.

Кевин поднял поводок с пола и снял дверную цепочку.

На улице им пришлось пропустить полицейский автомобиль, который пронёсся мимо с включённой мигалкой, и Кевину вновь стало безмерно грустно.

В утренних новостях передали, что полиция всё ещё не нашла Лукаса, и Кевин не мог отделаться от лёгкого чувства вины. Отреагируй он сразу, как только обнаружил его отсутствие, у полиции, возможно, было бы больше шансов найти мальчика. В таком деле счёт шёл на минуты, это он знал, а он, возможно, потратил решающее количество этих самых минут на себя любимого. Он завис, читая уведомления с «Фейсбука», и между тем, как имя было вычеркнуто из списка, и звонком родителям совершенно незаметно пролетело двадцать минут.

Позвони он сразу, пошло бы что-то иначе?

Он перешёл улицу и отпустил Калаху с поводка побегать по Парку Черчилля, где собака начала носиться кругами в погоне за воображаемой добычей. Довольная, она понеслась к бункеру посреди лужайки, собирая запахи деревьев и земли. Потом догнала Кевина, который перешёл мост к Кастеллет и поднимался по усыпанной щебёнкой тропинке к Королевским воротам.

– Пойдём, милая, нужно ещё немного потерпеть, чтобы добраться до дома. Сегодня слишком уж холодно!

Кевин вновь защёлкнул поводок на ошейнике. Он вытер глаза, которые начали слезиться на холоде, собрал воротник у горла и направился в сторону старинной ветряной мельницы. «Сегодня удовлетворимся короткой прогулкой», – решил он, намереваясь свернуть около мельницы вместо их привычного маршрута к морю.

Кевин прибавил ходу и заметил, что Калаха сопротивляется. Он аккуратно потянул за поводок, но собака упёрлась. Обернувшись, он обнаружил, что её внимание было приковано к чему-то у подножия насыпи.

Кевин проследил за взглядом собаки и замер.

Там, на подмёрзшей поверхности насыпи, стояли мальчик и девочка и кидали друг в друга снежками. Кевин знал, что лёд был слишком тонок, чтобы двигаться по нему без опаски. Лёд припорошило снегом, и возле берега он, возможно, был достаточно крепким, но с вершины крепостного вала Кевин хорошо видел тёмное пятно дрейфующей ледяной каши прямо посреди озера, неподалёку от места, где стояли дети.

– Нет, нет, нет, о чём они только думают?! – пробормотал он, не в силах оторвать взгляд от детей. Затем закричал им: – Эй, вы, там нельзя стоять! А ну уходите!

Дети, которым он дал бы на вид лет десять-двенадцать, его не услышали. Вместо этого мальчик потянул девочку дальше на лёд и начал её щекотать, так что она радостно завизжала и замахала руками. Затем высвободилась из его рук и села на корточки, руками в больших вязаных варежках сгребая снег, чтобы слепить снежок. Она поднялась и ещё на пару шагов приблизилась к тёмному пятну в стремлении набрать больше снежных снарядов.

– Эй! – закричал Кевин снова, на этот раз ещё громче, и поставил руку на пояс. – Лёд слишком тонкий! Уходите оттуда, слышите!

По-прежнему никакой реакции.

Девочка невозмутимо запустила в мальчика снежком, тот увернулся и захохотал.

Кевин гневно покачал головой:

– Немыслимо!

Он начал спускаться с горки и оглянулся через плечо.

– Сидеть! – сказал он собаке, которая послушно опустилась на снег, но сразу же привстала с холодной земли.

Кевин сделал пару осторожных шагов, но крутизна и тяжёлые сапоги вынудили его перейти на бег на полпути вниз. Он потерял баланс, упал и проехал последний отрезок пути по склону на животе; снег летел ему в лицо и забивался под куртку.

Он поднялся и сконфуженно поправил одежду. Затем быстро зашагал к подножию крепостного вала.

– ВЫ ДВОЕ! – закричал он и яростно топнул ногой. Смущение после падения переросло в нервную ярость.

– А НУ ИДИТЕ СЮДА! Утонуть хотите? Там опасно!

Дети скептически переглянулись, и девочка начала двигаться в сторону Кевина, но мальчик не пошевелился.

Вместо этого он гордо вскинул голову и заявил:

– А ты за нас не решай!

– Я взрослый, поэтому я решаю, – сказал Кевин. – И я сказал: там находиться нельзя.

– Но мы же только играем, – примирительно сказала девочка.

– Да, милая, но там опасно, – Кевин наклонился к ней. – Если провалишься под лёд, можно утонуть, потому что вода очень, очень холодная. Ты же это понимаешь, да?

Девочка кивнула и устоялась на свои зелёные резиновые сапоги на тёплой подкладке.

– Эй, на воде же лёд, – с вызовом закричал мальчик, демонстрируя, что не признаёт за Кевином авторитета.

Кевин выпрямился во весь рост и подошёл к самой кромке воды.

– Весьма вероятно, но для такого большого толстого мальчика, как ты, это смертельно опасно. Лёд слишком тонкий.

Кевин демонстративно провёл тяжёлым сапогом по льду и отодвинул тонкий слой снега, как будто занавеску на окне.

– Посмотри сам! – он с триумфом указал пальцем вниз, чтобы мальчик убедился в его правоте. – Смертельно опасно...

Кевин осёкся, не закончив фразы, и зажмурился. Он медленно наклонился и попытался разглядеть предмет подо льдом, который привлёк его внимание.

Угрожающе тонкая ледяная скорлупа, точно как он и сказал, и под ней маленькие пузырьки воздуха. Но там было что-то ещё...

– В чём дело? – спросил мальчик, почувствовав, что что-то случилось. Он с любопытством сделал пару шагов в сторону Кевина.

Кевин не ответил.

Что, чёрт побери, там было подо льдом?

Он присел на корточки, протянул руку и смахнул последние крупинки снега с поверхности. Склонился ближе ко льду, пытаясь различить предмет в тёмной воде.

Затем вытаращил глаза.

Мгновение он был совершенно недвижим. Его тело кричало оглушительно-беззвучным криком, пока он смотрел на лицо подо льдом.

Снег засыпался за воротник и попал в штаны, когда он отпрянул назад и ногами отодвинулся от кромки воды.

– НАЗАД! – закричал он детям. – ПРОЧЬ!

На этот раз мальчик послушался, не задавая вопросов. Он быстро подошёл к девочке и взял её за руку.

Кевин на четвереньках отполз от воды. Он поднялся и вытащил мобильный телефон из кармана. Его душил парализующий страх, пока он ждал ответа.

– Помогите! – прохныкал он в трубку почти беззвучно. – Я его нашёл. Нашёл Лукаса.

13

При каждом соприкосновении лопаты с землей казалось, что в руку бьёт молния. Стрела боли проходила взрывными зигзагами от правой лодыжки Финна к его плотно сжатым губам. Промёрзшая земля была твёрдой как бетон, и спустя час яма по-прежнему была недостаточно большой.

Силы Финна были на исходе.

Он вытащил кинжал из кожаных ножен, висящих на старом скаутском ремне, и принялся рубить землю дикими резкими движениями. Последнее отчаянное усилие, но дело всё равно продвигалось слишком медленно.

Он поднялся и слабеющими шагами направился к навесу за главным домом. Нашёл ржавые садовые грабли в сарае с инструментами. Затем вернулся обратно к яме, убедился, что за ним никто не наблюдает, и продолжил рубить.

Слёзы и пот струились по лицу на кусачем утреннем ветру, и ещё час спустя ему в конце концов удалось вырыть отличную маленькую могилу.

Финн опустился на колени перед ямой и отрывисто задышал. Он видел в новостях, что за дело принялась полиция, и ему было страшно.

Как он умудрился так сглупить? Почему не мог оставить всё как есть? Он хорошо знал, что совершил ошибку, но...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Ханс Вегнер (Hans Wegner, 1914–2007) – датский дизайнер мебели.

2

Добро пожаловать в джунгли. У нас здесь веселье и игры (англ.). Цитата из песни американской группы «Guns N’Roses» «Welcome to the Jungle».

3

Словно увернуться в последний момент (англ., идиом.).

4

Кварк (Quark) – маленький йотун, нарисован датским художником Петером Мадсеном, герой комикса «Валгалла» («Valhalla») и снятого по его мотивам одноимённого мультфильма.

5

«Nordea» – крупный скандинавский банк.

6

Арчибальд Хэддок – персонаж серии комиксов «Приключения Тинтина» бельгийского художника Эрже. Капитан знаменит своим сарказмом и использованием необычных ругательств.

7

Не меняйся (англ.).

8

Голливудский актер и продюсер.

9

Премия Кавлинга (дат. «Cavlingspris») – наиболее престижная награда Дании в области журналистики. Названа в честь Генрика Кавлинга, третьего почётного редактора газеты «Политикен».

10

Какого чёрта? (англ.)

11

Андерс Фог Расмуссен (дат. Anders Fogh Rasmussen) – датский политик, с 2009 по 2014 год генеральный секретарь НАТО. В 2001–2009 гг. возглавлял правительство Дании.

12

Heckler & Koch – марка огнестрельного оружия.

13

Клаус Мейер – знаменитый датский шеф-повар, ведущий кулинарных программ.

14

Человек в жёлтой шляпе – добрый и отзывчивый друг обезьянки Любопытного Джорджа (в Дании – Любопытного Нильса) из американского мультфильма «Любопытный Джордж».

15

Знаменитая набережная в норвежском городе Берген.

16

Не очень (англ.).

17

Боже мой (англ.).

18

Ну что ж (англ.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/hankok_anne/sobiratel-lic

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)